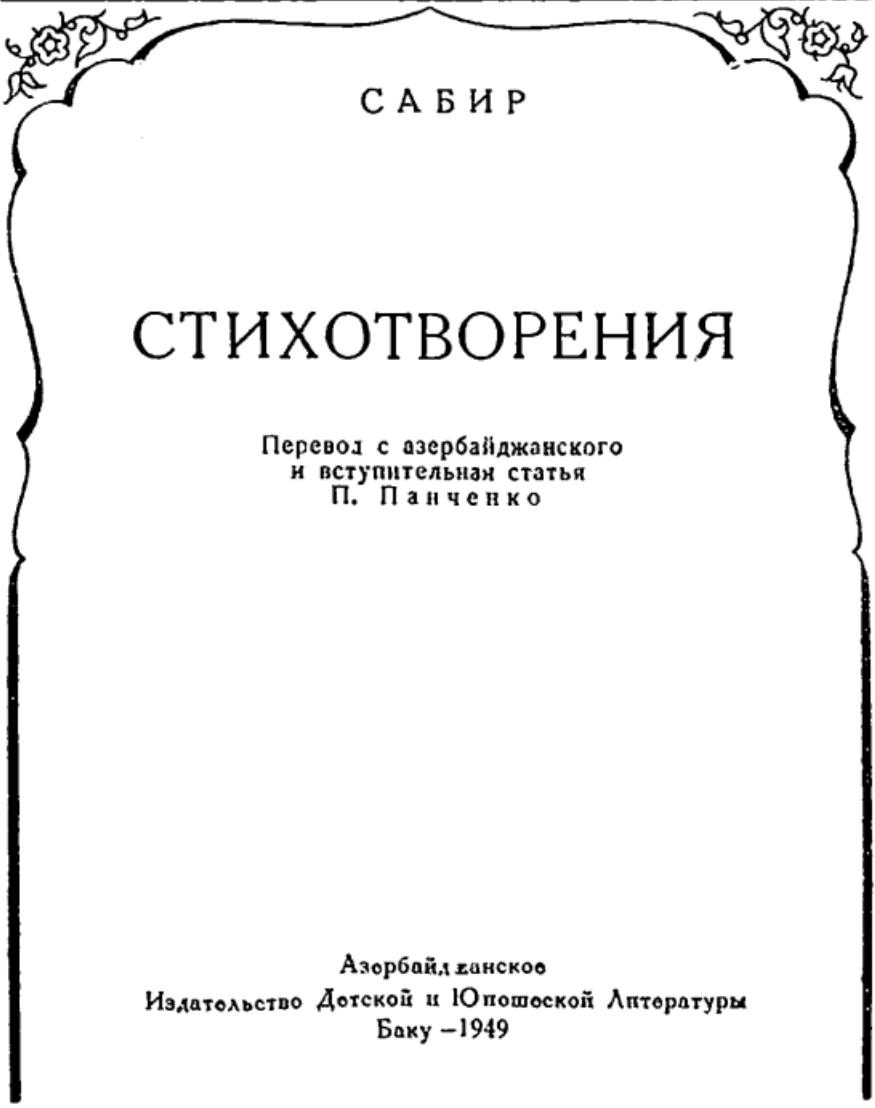

САБИР

С А Б И Р

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с азербайджанского
и вступительная статья
П. Панченко

Азербайджанское
Издательство Детской и Юношеской Литературы
Баку -1949

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящее издание существенно отличается от первого. Многие переводы значительно исправлены, некоторые стихотворения почти целиком переведены заново. В книгу включено несколько новых произведений, среди которых читатель найдет представляющие исключительный интерес автобиографические стихи Сабира.

Предлагая эту книгу вниманию ребят старшего возраста, я счел необходимым из'ять из нее отдельные стихотворения, требующие слишком подробных об'яснений, но зато многое намного расширен раздел стихов для детей.

Я люблю Сабира со дня моего первого творческого знакомства с ним. Это было в 1937 году, когда я стал переводить стихи великого сатирика для «Антологии азербайджанской поэзии».

Я постарался сделать все, чтобы Сабир, заговорив по-русски, остался самим собой: простым и сердечным, когда речь идет о народе, и яростно-непримиримым, когда речь—о врагах. Я позаботился при этом, чтобы и форма его стихотворений, будь то сатира, басня, фельетон или газелла, чтобы и она перешла в новый для нее язык во всем своеобразии, ей присущем.

Эта моя работа была бы очень затруднена без деятельного участия в ней такого сабироведа, как Азиз Шариф, и

здесь я пользуюсь случаем, чтобы принести ему свою горячую благодарность.

Юный читатель! Считая тебя надеждой своего народа, Сабир много думал о твоей судьбе, и за то, чтобы ты был свободен, силен и счастлив, он отдал свою благородную жизнь. Я не сомневаюсь, что ты полюбишь Сабира от всего молодого сердца.

САБИР

Сабир—Терпеливый.

Такое литературное имя выбрал себе великий революционный поэт-сатирик Мирза Алекбер Гаир-заде, и вот уже около полувека оно благоговейно произносится в Азербайджане.

Как Россия немыслима без Пушкина, Украина—без Шевченко, Осетия—без Хетагурова, так и поэзия Сабира неотделима от истории Азербайджана. Это поистине целая эпоха в ней.

Выходец из народных низов, угнетенных российским самодержавием и собственными поработителями—беками и ханами, и разноплеменными нефтяными королями, как сатирик, Сабир выступил в дни революции 1905 года. Всю боль и скорбь своих собратьев, все их негодованье, всю ненависть к старому миру, весь их порыв к счастью и свободе отзывчивый поэт вобрал в свою душу и со всей полнотой выразил в пронзительно-страстных, гневных стихах. Если буржуазные националисты всех мастей—панисламисты, пантюркисты и прочие—коварно заманивали народ в пучину фанатизма, невежества, средневекового застоя, то в Сабире они нашли своего грозного, воинствующего и неотразимого противника: боевой дух поэта был духом самого народа.

О вожде муджахидов—иранских революционеров—Саттар-хане Сабир сказал: «Ты человечеству служил, не только миру мусульман». И эти слова в равной мере относятся к их гениальному автору, соратнику русского пролетариата в борьбе с царизмом, борцу за освобождение Востока и всего мира.

Своим служением человечеству поэт-интернационалист Сабир и снискдал вечную любовь и признательность Азербайджана. Поэзия Сабира призывала народ вооружаться для битвы с извечными врагами и сама была великолепным ору-

жнем в его трудовых руках. Она помогла народу в завоевании великой Октябрьской победы. Она была у нас на вооружении в годину смертельной схватки с фашистскими варварами. Она не утратила своей силы и сейчас, в нашей борьбе с англо-американскими плутократами и мракобесами.

Сабир—один из непосредственных предшественников советского поколения поэтов, певцов эпохи Ленина и Сталина. Он близок нам по духу, и он—верный наш товарищ по оружию.

Поэт родился в городе Шемахе 19 мая 1862 года. Детство его прошло в окружении необузданного мусульманского фанатизма. Первым его учителем был молла, под опекой которого он изучал коран, а также фарсидский и арабский языки. За отроческую попытку писать стихи, облаченный в абу наставник жестоко наказал своего воспитанника. Однако, ученье у этого изувера, ставшего впоследствии первообразом многих молл, ощельмованных Сабиром, продолжалось недолго. Как только выдающийся поэт-просветитель Сейд Азим Ширвани открыл в Шемахе школу нового типа, Мирза Алекбер перешел туда. Сейд Азим преподавал общеобразовательные предметы и языки—родной, русский и фарсидский. В нем же юный поэт нашел и тонкого советчика по вопросам поэзии. Но и в этой школе Сабир пробыл мало, всего два года—с 1874 по 1876-й: его отцу, владельцу небольшой лавки, понадобился помощник, и он взял сына к себе.

В молодости Сабир несколько лет путешествовал, пополняя свои знания и пытливо взглядываясь в жизнь городов древнего Востока. Он побывал в Хорасане, Сабзавре, Нишабуре, Самарканде, Гейдарии, Бухаре. Получив известие о смерти отца, он вернулся в Шемаху. Большая семья отца бедствовала—и Сабиру, чтобы поддержать ее, а впоследствии и свою довольно многочисленную семью, пришлось заняться мыловарением.

В 1901 году у Сабира завязалась дружба с поэтом-шемахинцем Аббасом Сиххатом, вернувшимся на родину из Ирана, где он получил медицинское образование. Знаток восточной, русской и западноевропейской литературы, Аббас Сиххат многое из них переводил на родной язык. Вокруг него стали группироваться лучшие люди города. Они часто и по-

долгу сиживали у него, заслушиваясь чтением стихов и беседуя на различные литературные темы. Несомненно, что этот кружок в значительной мере способствовал формированию Сабира, как поэта-гражданина, но несомненно также и то, что искусством формовщиком в данном случае была сама его жизнь—суровая, полная лишений.

К сожалению, из стихов, написанных Сабиром до революции 1905 года, сохранились немногие—десять газелл, преимущественно любовных. Но нужно сказать, что их традиционно-восточные образы исконько не заслоняют яркого, незаурядного таланта их автора:

Вот кудри черные твои прикрыли милое лицо:
Арабы вышли из пустыни, не пропускают в храм святой!

Среди этих газелл имеются и такие, которые свидетельствуют о том, что поэта занимали не только «царицы красоты», что Сабиром уже тогда была об'явлена война против разноименных религиозных ханжей—отшельников, проповедников, молл, ахундов—служителей земного бога—капитала:

О, виночерпий, не пускай ты к нам святошу в погребок,
Чтоб он в мечеть не превратил наш погребок в короткий срок!

А в еще одной газелле мы находим строки, говорящие о том, что у Сабира было немало врагов и что в своей ненависти к ним он пользовался полной, так сказать, взаимностью:

Бушующей со всех сторон я неправостью окружен:
Утесом древним под грозой в открытом мое мне стояты!

Таким образом, революционные события не застали Сабира врасплох, он пришел к ним, вооруженный благородным гневом, меткие и сокрушающие удары которого вносили столько смятения в лагерь тунеядцев.

В 1905 году Сабир выступает в бакинской газете со страстным поэтическим «Обращением к согражданам мусульманам и армянам», в котором призывает «детей родины одной» прекратить кровавый спор, «зажженный проклятым сатаной», явно намекая на царское правительство, спровоцировавшее резню между братскими народами. А в мае 1906 года в журнале «Молла Насреддин», основателем и редактором которого был писатель-демократ Джалил Мамед-Кули-заде, Сабир печатает первое свое сатирическое стихотворение.

Одна другой острой и своеобразней, появляются сатиры на страницах «Молла-Насреддина». Кажется, что вслед за

Сабиром в журнал пришла целая когорта блестящих сатириков: тут и Хоп-Хоп, и Фазиль, и Мурад, и Дин дираги, и многие другие, оставляющие свои стихи без подписи. Но это только кажется. Те, кого сатиры делали посмешищем всего Азербайджана и соседних стран, быстро распознали их автора. И они постарались предпринять все для того, чтобы жизнь шемахинского правдолюба стала несносной. Решили взять поэта измором: мыла у него никто не покупал, в открытую гим «Школу надежды» детей не пускали.

В 1907 году Сабир переселяется в Баку. Хотя здоровье его сильно расшатано, с каждым днем упорней он пишет свои сатиры, бичуя все, что мешает жить на свете простому труженику.

Обладая чудесным даром перевоплощения, в этих сатирах он, как правило, изъясняется от имени тех, которых уничтожает. И неизменно производит изумительное впечатление, ибо он и в шарже умеет изображать самое характерное, так как давно и отлично знает всю подноготную своих (а следовательно и своего народа!) врагов. Он столько натерпелся от них, а теперь терпение его иссякло — и он непримирим!

Восторженно приветствуя вождя иранской революции Саттар-хана, он издевается над каждым шагом Мамед-Али-шаха, попирающего самомалейшие права подданных, торгующего своей страной. Основательно достается от Сабира и прихватиям шаха, и его сообщникам по разбою и грабежу — различным высокопоставленным зарубежным гостям, кстати сказать, не переводящимся в Иране и поныне.

В эту пору, пору необычайного творческого подъема, великий поэт живет впроголодь, силы его день за днем подтачиваются тяжелой болезнью. После трехлетних мытарств Сабиру «повезло»: он получил место учителя, попутно выполняя обязанности ночного корректора в одной из бакинских газет. И все же вскоре из-за обострения болезни он должен был покинуть Баку. Выбора не было — и ему пришлось искать пристанище в Шемахе.

Здесь, у себя на родине, вконец измученный невзгодами и недугом 12 июня 1911 года поэт умирает, завещав своему народу непререне и ненависть к его врагам.

1905

К СОГРАЖДАНАМ МУСУЛЬМАНАМ И АРМЯНАМ

Тогда, как наши дни в союз об'единиться нам велят
И наш народ свою мечту свершить в покое был бы рад,
И между нами никаких не возвышается преград,—
Бдруг дети родины одной вражду затеяли, разлад!
Армяне—братья мусульман! Зачем же встал на брата брат?
Где ж мудрые? Где храбрецы? Они ли спора не решат?

Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единенъи—час настал!

У двух соседей, двух друзей, рожденных родиной одной,
Беками не было вражды, лишь мир светился над страной.
Нет, иступленный этот спор зажжен проклятым сатаной!
Нет, этой бешеною вражде одно невежество виной!
Пылают села, города! Грабеж, убийство, ад земной!
Создатель, что же ты глядишь? Спаси, спаси наш край
родной!

Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единенъи—час настал!

Я вижу зло, но от кого в моей стране оно идет?
От человека ли—позор!—в дыму, в огне оно идет?
От мусульман или армян, скажите мне, оно идет?
От пребыванья всей страны в тяжелом сне оно идет!
От ненависти, от вражды, в крови, в резне, оно идет!
Забитость, унижение—вот по чьей вине оно идет!

Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единенъи—час настал!

Народу правду рассказать, смыть унижение мы должны!
Лучами солнца осветить все заблужденья мы должны!
Все недостойное смести, без сожаленья, мы должны!
Печаль обманутой души предать забвенью мы должны!
Навек рассеять неприязнь в одном стремленьи мы должны!
Сабир, с народами всегда жить в единенъи мы должны!

Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единенъи—час настал!

1906

КАКОЕ ДЕЛО МНЕ?

Пусть мрет, как хочет, мой народ,—какое дело мне?
К врагам за помощью идет—какое дело мне?

Потише, спящих не буди, пускай еще поспят!
Когда б никто из них не встал, я был бы очень рад!
А если встанет кто-нибудь,—в постель его, назад!
О, лишь бы мне здоровым быть—весь мир да рухнет в ад!

Пусть мрет как хочет, мой народ,—какое дело мне?
К врагам за помощью идет—какое дело мне?

Что из истории земли примеры приводить?
Зачем о прошлых временах сегодня говорить?
Мне с хлебом голубцы неси—вот это наша прыты!
Зачем в грядущее глядеть? Мы там не будем жить!

Пусть мрет, как хочет, мой народ,—какое дело мне?
К врагам за помощью идет—какое дело мне?

Я б сыну родине желал остаться не у дел,
В грязи по горло прозябать—презренного удел!
Вдова пусть нищенкой пойдет—гореть ей бог велел!
Моя же слава пусть растет, не зная, где прёдел!

Пусть мрет, как хочет, мой народ,—какое дело мне?
К врагам за помощью идет—какое дело мне?

В какую ни войди страну—несет она прогресс!
Хоть в чем-нибудь страна всегда иметь должна прогресс!
Когда в ночи приснится нам расцвет, весна, прогресс,
Тогда мы с вами обретем и в мире сча прогресс!

Пусть мрет как хочет, мой народ,—какое дело мне?
К врагам за помощью идет—какое дело мне?

ГОРЕМЫЧНЫЙ

Если сына вдруг тебе подарит благой творец —
О, возрадуйся, отец!
Колдуна скорей зови,—ты для сына не скупец,—
Джина отпугнет мудрец!

Амулетами обвесь тело сына тут и там —
Джин коварен и упрям!
И еще тебе совет я, на благо сына, дам:
Пусть он ходит по рукам!

А простудится дитя или заболит живот —
Пусть колдун опять придет!
Но врача в тревожный час пусть никто не позовет —
Чтоб не осквернить твой род!

Будет плакать—никаких средств не надобно искать,
Но брани ты только мать!
Ну, а та пускай начнет сына чем-нибудь пугать,
Чтобы малого унять!

Суеверьям научи: с детства ими начинен,
Пусть наивен будет он,
Пусть бедою будет он окружен со всех сторон,
Будет всеми осужден!

Как начнет он лопотать, сквернословью научи,
И не кайся, а молчи!
Пусть миллионы грязных дел светят сыну, как лучи,
Чтоб не быть ему в ночи!

А исполнится ему, озорному, десять лет —
Дай ему такой совет,
Чтоб к пятнадцати годам знал твой сын любой секрет,
Что и старшим знать не след!

Сделай так, чтоб омрачен не был школою сынок
И не просил слез поток!
Чтоб на свете как-нибудь прокормиться мальчик смог,
Трудно ли взломать замок?

Ну, скажи, зачем ему на земле спокойно жить?
Ремеслу начни учить:
В карты с жуликом играть, резать, грабить, не тужить,
С ночкой темною дружить!

Пусть он будет удальством радовать отца готов,
Молодец из молодцов!
Кто там вздумал ровней быть? В доме—сахар, чай и плов!
Вот твой сын теперь каков!

А в тюрьму он попадет и тебя осилит страх, —
Глупый, ты же при деньгах:
Адвоката задари! Не скупись! Богатство—прах!
Ползай у властей в ногах!

Наконец, тебя, отца, не пускают и в тюрьму:
Крах—богатству твоему.
Вот возмездье: нищ и наг, ты берешься за суму!
Путь? Твой путь ведет во тьму...

Горемычный, почему
Столько благ в твоем дому?
С просвещеньем не дойти
До такого—никому!

Я НЕ ПОИМУ

Я не пойму, что видел сын, что взял он от наук,
От этих праздных дел.
Ведь от журналов и газет, безмозглых этих штук,
Ребенок похудел!

Заполнив чтением свой досуг, ума лишился он.
Аллах, ну что за бред?
Я верю: будет мальчик мой молитвами спасен!
Жена, а твой совет?

Злодейка! Гром тебя срази! Во всем твоя вина!
Твои, твои дела!
Такой порядок в дом вошел с тобой, моя жена!
О ты, источник зла!

Пусть вытекут твои глаза, чтоб меньше мне страдать
У ведьмы на глазах!
Нет, никогда свое дитя в огонь не бросит мать,
Сожги тебя аллах!

Ты, ты заставила меня отдать его туда,
Где учат-мучат их!
О чём ты думаешь теперь? Молчишь? Ведь вся беда —
От выдумок твоих!

Не знаю, можно ли спасти несчастного сейчас?
Подумай ты сама:
Уроки, школа, столько книг — и это все зараз!
Мой сын сошел с ума!

Ты погубила сына, ты разрушила мой дом,

Ты, ты, родная мать!

Искусство! Тысяча наук! Я с ними незнаком

И не хочу их знать!

Я так хотел, чтоб мальчик мой был уважаем, чтим,

Чтоб он спокойно жил!

Привольной жизни чтоб достиг он кулаком своим,

Чтоб славу заслужил!

Теперь такие времена—ему б Рустамом быть,

Героем наших дней.

Как я, работать кулаком, богатство накопить,—

Тогда б он стал умней.

Такой прекрасный мальчуган на пытки обречен!

Неопытный мой сын!

Лицо поблекло у него и еле дышит он,

Всегда один, один!

Ах, непутевой сын, очинись, подумай, что с тобой?

Ведь впал в ошибку ты!

Наука по сердцу тебе,—не кража, не разбой,

Не дерзкие мечты!

Послушай, перестань читать, о, свет очей моих!

Яви ты верность мне:

И гидом стань и побеждай наездников лихих

На бешеном коне!

Оставь ученье, милый мой, ты жив едва-едва,

О пленик чепухи!

От этих книжек у тебя вскружилась голова,—

К чему тебе стихи?

Тебя же, сколько ни учись, как сердце ни тревожь,

Не взлюбит тесный свет!

В морях поэзии теперь будь жемчугом—и все ж

Тебе признанья нет!

Что от науки денег нет,—пойми ты, наконец!

В них, только в них и суть!

Нет, нет, я вижу мысль твою, тебе я не отец!
Ну, что ж, отца забудь,

Томи наукой грудь,
Печали другом будь!
Поймешь, что мир—твой враг,
Но поздно: кончен путь.

ЖАЛОБА СТАРИКА

До чего ж я постарел! Палка выпала из рук.

Где ты, молодость моя?

Слабость разлита во мне, мой удел теперь—досуг.

Стал терпеть убытки я.

Горя больше в десять раз—лишь начну я вспоминать
О моих прошедших днях!

О, добьюсь ли в жизни я тех счастливых дней опять?
Ох, увы, увы, аллах!

Поседела борода, согнута моя спина,—
Чем я спину разогну?

Ежедневно мажет хной бороду мою жена —
Изгоняет седину!

Нет, еще я не забыл развеселых дней моих—
С пеньем, музыкой, вином!

Как башку я разбивал сотням слабых и нагих
Этим самым кулаком!

Так на поприще своем добывал я серебро,
Так я золото копил!

Грозной силой кулака я присваивал добро,—
Где ты, где ты, юный пыл?

Нет, не сжать мне кулаков, не свершить моей мечты;
У меня опоры нет!

Такова моя судьба. Я спустился с высоты.
Кто спасет меня от бед?

Все молчат, молчат в ответ!
Где ж ты, шумной славы след?
Лишь о юности тоску
Я лелею, стар и сед!

БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать—иди, гляди!

Но нельзя же допустить—чтоб во все совался он?
Чтобы там, где есть богач, пикнуть не боялся он?
Чтобы в силах был дышать и не задыхался он?
Чтобы драку за права затевал и дрался он?

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать—иди, гляди!

Эй, рабочий, ну, за что должно уважать тебя?
Это кто же научил мысли выражать тебя?
Нет, голубчик, богачам нужно в руки взять тебя,
Чтоб ты кланялся за все, чем наделит знать тебя!

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать—иди, гляди!

Ты, богатый, берегись! Как бы не попасть в беду!
Пусть он правду говорит—ты себя имей в виду!
И ни разу ты ему не давай дохнуть в году!
Слава—славным, а нужда—обреченным на нужду!

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать—иди, гляди!

Ни таланта, ни ума не найдешь у бедняка: .
Ведь одежда у него чересчур грязна, жалка.

Нет ни шали, ни абы, за душой—ни пятака,
Лишь заплатанный кафтан да чоха—одна тоска!

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать—иди, гляди!

Если хочешь жить и жить ты беспечно на земле,
Бед не знать и слез не лить бесконечно на земле,—
На рабочих не гляди человечно на земле,
Будь пройдою, живи бессердечно на земле!

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать—иди, гляди!

Если горе видишь ты, отвернись ты от него,
Сироты не приласкай,—пусть поплачет, ничего!
Начинаний—никаких! Добрых дел—ни одного!
Знай: к народу, к бедноте сердце богача мертвое!

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать—иди, гляди!

С О В Е Т

Стремись к тому, чтоб чистым быть у нации в глазах.
Всех убеждая, лги!

Хоть ты характером—огонь, в делах стелись, как прах.
Всю землю грабь и жги!

Твоя одежда, твой кушак—пускай ласкают взгляд:
Будь видным—в этом суть!

Любым обманом влезь в абу—внушительный наряд,
Светилом веры будь!

До трех, примерно, четвертей ты бороду рasti,
Ходя в папахе, прям.

Носи кушак сажени в три—такой кушак в чести,
Ты это знаешь сам.

Повсюду четки должен ты, мой друг, перебирать,
Всегда намаз твори.
Везде с достоинством держись, иди туда, где знать,
Степенно говори.

Теперь в религию свою ты гордо облачен,
Благочестивым стал,
В глазах народа мудрым стал, ты для него закон,
Ты всюду чтимым стал.

Теперь ты с головы до пят вне подозрений стал,
Ты божество постиг.
Так воплощением своих ты вожделений стал:
Чего хотел, достиг!

Настало время грабить мир—пришла пора, пришла!
Бегущего хватай!
Права тебе принадлежат, верши свои дела,
Добро приобретай!

Не медли! Угнетай вдову! Порабощай сирот!
О смерти мысль—гони!
Шейтана будет проклинать вслед за тобой народ,
Пришли блаженства дни!

Ханжу в себе храни.
Не дрогнув, обмани!
Свою верой поступись,
Деньгами—ни-ни-ни!

С П И

Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись,
Сон неведенья от глаз не гони ты, не проснись.

Бай, бай, малыш, бай, бай,
Так все проспишь,—бай, бай!

В пробуждении твоем дней без гроз—не может быть,
Как во сне, счастливых грез, сладких грез—не может быть.
Чтоб неспящий не познал горьких слез—не может быть!
Одеяло выше глаз натяни ты, не проснись!

Бай, бай, малыш, бай, бай,
Так все проспишь,—бай, бай!

Ах, открыв глаза, кругом лишь беду увидишь ты,
У народа скорбь одну и нужду увидишь ты,
Горя, зла, страданий, мук череду увидишь ты.

Под подушку—головой! В эти дни ты не проснись!
Бай, бай, малыш, бай, бай,
Так все проспишь,—бай, бай!

А проснешься—берегись! Это злой обман, засни!
Живо опин разыши, выкури кальян, засни!
Если правый бок устал, ты на левом, пьян, засни!
Все привычки до одной сохрани ты, не проснись!

Бай, бай, малыш, бай, бай,
Так все проспишь,—бай, бай!

Сон твой—свет очей твоих, ты держи его у глаз,
Не терпи, чтоб он от глаз улетал хотя б на час!
Ты в беспамятство впади, чтоб совсем забыть о нас!
И глазком на шумный мир не взгляни ты, не проснись!

Бай, бай, малыш, бай, бай,
Так все проспишь,—бай, бай!

ИЗУЧЕНИЕ НАУК

Брось науку! Ведь она нам страшнее ада
И душнее чада.

Всем известно, что она ядовитей яда —
Подтверждать не надо!

Мой панический сын, услыши эти наставленья,
Не ввергай в мученья!

Счастлив, кто живет без дел, иль — в горах у стада:
Вот кому отрада!

Знаю: к нам она идет с тьмою, а не светом.
Знайте же все об этом!

Ибо тех, кто говорит, что она услада,
Нужно гнать из ряда!

Школа — вот источник бед, вот источник боли!
Что нашел ты в школе?

Школа — вот грабитель душ, языку — преграда,
Вечная досада!

А чернила — что они? Мрак, душа злодея!
Вылей их скорее!

Эта краска светлый день сделать черным рада, —
Что страшней для взгляда?

А тетрадь — к чему она, ереси всесветной
Тайный друг заветный?

С ней поэты проболтать могут до упада,
Сбиться с толку, с лада!

Ах, зачем твоя рука эту ручку сжала?
Бойся, бойся жала!
Ты ужален будешь, сын,—у такого гада
В жаде много яда!
Внемлешь белому листу? Бойся: речь о вздоре!
Черным станет вскоре!
Опекун его—беда! Он такого склада,
Что опасен смлада!
С черным сердцем карандаш, краснолицый, длинный —
Друг писак единый!
Сплетник, в душу влезет он—быть тебе без клада!
По делам—награда!
Просвещенные кругом хвалят просвещенье,
Будто в нем спасенье.
А взглядишься—в нем конец нашего уклада,
Злой залог распада!
Лазлагы, засада!
Мозалан, ограда!
Сыртых, бойся града,
Гыздырмалы—смрада!
О Хоп-Хопе говорят,
Дело плохо—будет град:
Камни, палки полетят,—
Хуже снегопада!

Я ВЗДОХНУЛ

Я вздохнул, чтоб пить блаженство от кальяна твоего.
Плачу кровью: чашка кофе мне желанна твоего.

Даже проповедь читая, не о благе я лекусь:
Путь ее направлен верно в глубь жармана твоего.

Я иду, моя дорога на гумно твое ведет,
Я влюблен в твой богатства, в плод баштана твоего.

Если грудь моя сегодня под ногами у тебя,
Значит, рот мой жадный просит кость барабана твоего.

Я извел себя тоскою по бозбашу и кюфте,
Удели мне хоть кусочек баклажана твоего!

Видишь: райские долины восхваляю с полным ртом:
Черноглазого хочу я фисинджана твоего.

И когда я с вожделеньем реки райские пою,
Я мечтаю о шербете из стакана твоего.

Чуть завижу пар над пловом—истекаю я слюной:
Будет ужин в пользу бедных—к чести сана твоего.

Ты—наследник, ты—любимец, мне б хоть раз тебя узреть,
Поглядеть бы на отделку ятагана твоего!

Сердце, все свое биенье благодетелям отдашь,
Бедняки—они же вовсе не из стана твоего.

Искра вздоха не затронет никого—пойми, Хоп-Хоп!
Лишь годна она для сердца, как ни странно, твоего.

Ты пытай и молчи,
Понимай и молчи.
Если ж правду сболтнешь,
Отрицай и молчи!

БАКИНСКИМ ПЕХЛЕВАНАМ

Мутит, когда на профиль твой, мелькнувший за окном,
глядишь,
Тошнит, когда на твой азарт, страшный, словно гром,
глядишь.

Теряешь речь, когда на щит, сверкающий в твоей руке,
И на тяжелый патронташ на поясем глядишь.

Весь леденеешь, увидав тобою сжатый револьвер,
Дрожишь, когда на твой кинжал, увитый серебром, глядишь.

Вовек не различишь, ты трезв иль ты невыразимо пьян,
Когда на твой неровный шаг, на мрачный лик тайком
глядишь.

Лентяй, бездельник, хулиган, что бог тебе и что ислам?
Бей мусульман, когда на них ты в шуме городском
глядишь.

А ну-ка, шапку набекрень надвинь на брови, торжествуй,
Когда на лодыря, тебе подобного во всем, глядишь!

Штаяйся, пьяниствуй день и ночь, где доведется, там и спи,
Закрой глаза, когда на свой на разоренный дом глядишь!

Ты, прожигатель дней своих, все больше забывай детей,
Чем чаще на друзей-пройдох, кутя в саду густом, глядишь.

То «Скороход» тебя пленил, то лакированный сапог.
Красотку встретив, ей в глаза ты, словно с ней знаком,
глядишь.

Ну, что же, трать свое добро на барышень своих пустых,
Бранись, когда ты на жену, домой вернувшись днем, глядишь.

Пылает румянец,
Напьешься—и в танец!
Шумишь—и для пьяниц
Ты этим хорош.
А старость нагрянет —
Кутила устанет,
Веселья не станет, —
Тут все и поймешь!

СОВЕТЫ СТАРОЙ КОЛДУНЫ

Советы бабушки своей пустыми не считай —
Прими, моя душа!

В них слово каждое — рубин, пленивший целый край,
Пойми, моя душа!

Я много прожила — и как дивила тесный свет —
Лишь ведает пророк!
Каких уловок не нашла я с тех далеких лет,
За этот долгий срок!

О женской хитрости сто лет я говорить смогу —
И всей не исчерпать!
Заполни хитростью весь мир — тебе я не солгу! —
И не найдешь, где стать.

А колдовать начну — и джин сбежит, как от огня!
Хвала моей волшбе!
И сам шейтан не знает чар таких, как у меня,
Творцом клянусь тебе!

Ты счастлива, ты обрела благословенный миг
Свидания со мной!
Пойми, пойми мои слова, о свет очей моих!
Скажу тебе одной:

Во-первых, знай ты, что мужей на свете верных нет —
Хоть будет муж умен!
Нет, не найдешь и одного за сто и двести лет —
Хоть будет глупым он!

Не жди, что верен будет тот, кто мужем стал твоим,
Будь на-чеку всегда!
Как раз троих он заведет—кто мужем стал твоим:
Тебе грозит беда!

Прослужишь тридцать-сорок лет безропотно ему—
И не оценит он!
И вот молоденькой женой—он властелин в дому—
Тебя заменит он!

Не плачь о муже, не горюй, что твой удел жесток!
Ко всем чертям его!
Своих уловою в тишине наматывай моток—
Тебе я' дам его!

Пока не спит, не подходи, не говори ты с ним—
Он молнии грозней!
А как заснет, проверь карман со звоном золотым,
Но только не красней!

Тайком, безмолвно, по ночам верши свои дела:
Женой-плутовкой будь!
Чтоб сам шейтан не мог понять, как ловко ты взяла,
Отменно ловкой будь!

Вот, выпив утрений свой чай, он из дома ушел.—
Забудь про всякий страх:
Свободна ты от всех забот и от бесчисленных зол,
Гарем—в твоих руках!

Ты называешь масло, сыр, чай, сахар, мясо, мед,
Халву, варенье, рис,—
Сушеных фруктов Хансенем на мелочь пусть возьмет,
Ты просишь: торопись!

Пусть за подругой поскорей твой мальчуган пойдет,
И за твоей сестрой,
И пусть она своих подруг побольше приведет:
Веселый пир устрой!

Пусть на огне котел стоит и самовар кипит!
Бей в бубен без забот!

Пусть ест любая гостья плов, не ведая обид!
И каймаком запьет!

Каймак! И чай! И мед!
Пусть трудится супруг,
Не покладая рук,—
С ним горя не дели,
К чертям его пошли!
Вовек не знай невзгод!
Пусть в доме круглый год
Веселый пир идет!...
О, наш злосчастный род!

ДЕТЯМ

Надежда народа, с веселым лицом, детвора,
Любимая матерью, добрым отцом, детвора!

Любовью и лаской обязаны вы материам,
Их вечным об'ятьям, о дети, их нежным словам.
Отцы не скучились, хоть каждый суров и упрям,
И, слава творцу, обижаться на счастье не вам.

Ты так возмужала в семействе своем, детвора,—
Свободно гуляй на просторе земном, детвора!

Бы, мальчики, ростом уже кипарису разны.
Как взрослый петух, вы поете—враги тишины.
Родители рады, что стали большими сыны.
Довольно! Уж вам колыбели теперь не нужны.

Скорее расстанься с постельным теплом, детвора!
Оставь, наконец-то, родительский дом, детвора!

Болтаться на улице, всюду бывать вам пора,
Валандаться, шлягться опять и опять вам пора,
Скандалить и драться, громить, воровать вам пора,
Меняя наружность, весь мир расшатать вам пора.

Стреляй что ни день, забавляйся свинцом, детвора! —
Чтоб каждый на улице стал молодцом, детвора!

Настал не ученью, не школьным занятиям срок:
Взлелянным детям все знанья о мире не впрок.
Нет, время настало все делать добру поперек,
Пусть в сердце войдут беспрепятственно зло и порок!
Учись обращению с крепким словцом, детвора!
Учитель и школа тебе нипочем, детвора!

Как следует, дети, владеть кулаком вам пора,
По чести хозяйничать в доме своем вам пора,
Быть с матерью дерзкими, драться с отцом вам пора,
Покой их разрушить своим удальством вам пора!

На бедную мать налетай вечерком, детвора,
Да так, чтоб вздохнуть не смогла она днем, детвора!

Отец не исполнит какой-нибудь просьбы твоей,—
Чтоб он устрашился убытков, бей утварь скорей!
Яви свой характер, бранись, да смотри погрубей!
Стремясь к избавлению от смелых сыновних затей,

Из дома продаст он посуду с котлом, детвора!
Он рад расстаться с последним добром, детвора!

Достаток? Достаточно горя ему одного!
Уж так повезло ему—праздник сплошной! Торжество!
Что светом очей он считал, то сгубило его!
Трудился—и вот тебе: нет за душой ничего!

Не умер и душу не спас он концом, детвора!
Печаль у бедняги—всей жизни венцом, детвора!

ИСПОВЕДЬ ГАДЖИ-МИРЗА-ГАСАНА ИМАМА-ДЖУМЫ, ИЗГНАННОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ

Не знал я, что горю наступит черед,
Что счастье порою бедой предстает,
Что может судьба так ускорить свой ход,
Что волю потребовать может народ,
Что сила такая в народе живет!

Я власть над народом—беда!—потерял,
Величье свое навсегда потерял.

Бедь был я в Тавризе имамом-джумой,
Все знают прекрасно, какою ценой
Достался мне этот кусочек земной.
Невежды рабами спешили за мной—
И юный, и тот, кто намазался хной.

Свободы ислама никак я не ждал,
Что день превратится во мрак, я не ждал.

Ах, сколько имений ко мне перешло!
За крохи склонил я народа чело.
И пашен, и стад я умножил число.
Сумел не одно я заставить село
Трудиться, чтоб счастье мое возросло.
И все это—вникните!—прах, пустота!
В душе—пустота, и в руках—пустота.

Пируя в Тавризе, я в жире увяз.
Проклятьем пугал я свершавших намаз.
Меня, как ягненка, доверчивый пас,
Строптивых лишил я то жизни, то глаз.
Бесстыдно окраску менял я не раз.

Народ—он, восстав, шариат погубил,
Меня конституции яд погубил.

Не знаю, кто рой этих пчел раздразнил,
Родил у народа дремавшего пыл?
Кто буйное дерево распри взрастил? —
Рубил я, но выбился только из сил!
Безумный мятежник мечты воплотил!
Вернется ль к тиранам весна, не дождусь.
В амбары мои ни зерна не дождусь.

Мирзэ бы Джаваду отрезать язык:
Все тайны мои он раскрыл, еретик.
С Мирзою Гусейном,—что к сплетням привык,
Болтали друзья—и урон мой велик!
В Тавризе война показала свой лик:
Я изгнан—и сердцу так больно теперь,
А зависть—победой довольна теперь!

Мечтой о Тавризе мой ум поврежден:
Там всюду встречал я привет и поклон,
Там—запахи кухни, и в погребе звон,
Шербет в пиале, навевающий сон!
Там рисом садри я бывал опьянен!
Те дни! Проживу ли я, боже, без них?
Иль встречу я смертное ложе без них?

О боже, что если то время придет?
Вернулся! Молюсь! А за мною—народ?
Мне каждый в почтеныи дорогу дает,
Ладони в поклоне слагает,—почет!
В боязни замкнулся у каждого рот!
Я знатных учу—и гордятся они!
Увы и увы—не вернутся те дни!
Поди и засни, и засни, и засни!

ГОРЕ АПТЕКАРЯ

Ай, аман, ой, горе нам от гнетущих, сердце рвущих дел изменчивой судьбы, что, подвергнув нас ударам, обрекают мир пожарам, беспощадна к малым, старым, а особенно ко мне, что в огне сгорая даром, как свирель в усердын яром, только стоны издаю, будто стал я самоваром и во мне исходят жаром много тысяч угольков, а из чашек глаз моих льются слезы, пышут паром, ай, аллах, каким угаром я охвачен, кто поможет мне, несчастному: на свете появилось поколенье просвещенных—литераторов и всяких, вообще, интеллигентов,—тех, которые всечасно вводят новые порядки, называя их наукой, да и нас все время тянут приобщиться к злому делу, и скажу я: их призывы—ничего!—они учились, курсы кончили, усвоив кое-что от обучения, но, клянусь вам, надоели мне про��ъятые поэты, что о всякой дряни, вздоре, чертовщине, мелком соре разболтались, как в бреду,—все у наглых на виду: каждый ваш грешок в году, всех пороков череду и подметят на ходу, и опишут на беду, и почтенный чужестранец с ними сразу же в ладу; я оглох, я пропаду, слыша в муке о науке и о школьном деле звуки, мол, дадим друг другу руки, а на что нам эти штуки, если все, что получили мы от прадедов в наследство, наши древние законы, наш уклад и образ жизни, поведенье, положенье, что нам близко искони, все в стихах своих они порицают в эти дни: то и это изгони, переделай, измени, жить по-новому начни, траурный надень наряд, в школу отведи ребят,—боже, что они велят!—значит, собственной рукою преврати дитя родное—ужас!—в русское, в чужое, чтоб лишить себя покоя, созерцая, как святое мусульманское дитя, словно дети иноверцев, в картизе который год все твердят «иштот-миштот», ходит, учится—и вот станет доктором оно и, подверженным недугу,

правоверным мусульманам выдавать начнет лекарства, те аптечные лекарства, что от века состояли из вина наполовину, а другая половина—из воды, и оскверняли неповинные желудки у несчастных правоверных, между тем, как есть на свете парфюмерная лавченка, чей хозяин—раб аллаха, наш гаджи благочестивый, самый верный сын пророка, кто на все глядит глазами, подведенными сурьмою, голову покрасил хною, у кого меж пальцев четки, в чьей душе глубокий корень навсегда пустыла благость, кто вовеки не обидел никого своей изменой, кто и куплю, и продажу вел со всеми без обмана, вместо мускуса ни разу не давал дешевой дряни,—в этой лавочке, в которой наследить не смеют крысы, в этой лавочке, в коробках, безо всяческих покрышек, много дивных средств хранится, что лежат десятилетья, но от этого сильнее аромат их и целебность, и еще верней спасенье от болезней и печалей, а они и впрямь спасают—эти травы и коренья, семена, пилюли, смеси—и подумайтесь все это в лавке так и пропадай, все забудут этот рай, за зимой наступит май, вновь луна осветит край, а гаджи—сиди, зевай, год за годом—бай-бай, гостя в лавке не встречай,—так вот и придет вай-вай!.

1907

НЕ БУДУ КУКАРЕКАТЬ

Мне показалось, что рассвет заалел —
Как птица утра, я запел наугад.
Но острый камень вдруг разбил мне крыло, —
Так вот он, песенки моей результат!

Теперь, увидя в небесах ястребов,
К себе во дворик я бегу поскорей.
О камень, больше не лети ты в меня:
Хоть за цыплячий голосок пожалей!

О ястреба, зачем пугать вам меня?
Парите в облачном своем серебре!
Я предоставил вам навек небеса,
А сам гуляю на земле, во дворе!

Цыплятки милые, зачем вы в слезах?
Ну, перестал я шум и гам поднимать,
Не кукарекать я даю вам обет,
Но откажусь ли разуметь, понимать?

ПРИЗВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

О, судьба моя ты злая, что за дни пришли, не знаю, то и дело я стенаю, не живу—в огне сгораю, без конца в слезах, без краю, сердце кровью обливаю, а сильней претерпеваю, чем от горестей и бед,—от журналов и газет, где писаки—хуже нет! узнаю гляуров след!—у меня во цвете лет отнимают солнца свет, смело пишут всякий бред, ужасая весь ислам, призываю здесь и там, в каждом городе, селены не забыть о просвещенны: школы девочкам открыть, чтоб малютки во всю прыть мчались в классы по утрам, получали пользу там, чтоб к ученым степеням был для женщин путь открыт, чтобы шли, забывши стыд, в новых платьях в новый быт: та с грамматикой сидит, медицину эта читит, а у третьей важный вид—о природе говорит,—книги, письма, ох и ах, гибель скромности, аллах, страх и прах, туман в умах, все—в потьмах,—такой размах в их словах и в их делах, в этой армии задир, взволновавших целый мир, чтоб язык их мертвым был, чтобы камень их убил, чтоб навеки мир забыл их слова и обращенье, срам, бесстыдство, преступленье, злое дело—просвещенье, их тлетворное стремленье: ведь и знанье и уменье каждой девушке лишь в том, чтоб держать в порядке дом—шить одежду и стирать, щерсть расчесывать и ткать, тряпки старые латать, дом и дворик подметать, каждый раз посуду мыть и варить, варить, варить, заслужив гостей хвалу, голубцы, кюфту, халву, из баранины—бозбаш, из фасоли—кашу каш, фисинджан, чурек, лаваш—вот и все, что нужно знать тем, кто есть жена и мать, а не знаешь—не беда: знанье главное всегда заключается в другом,—суть его, во-первых, в том, что, пришедши к мужу в дом, огрызайся, прекофловь, будь там свекор или свекровь, чтоб не смели возражать, а умели уважать, во-вторых, пускай жена будет хитрости полна: в мужа с деверем

она бросить розин семена обязательно должна, чтобы дружбу многих лет в десять дней свести на нет, в-третьих, знать важней всего всех чертей до одного: джинов, леших, домовых, самых страшных, самых злых, никого не позабыть, а, напротив, проявить здесь особенную прыть, чтобы пользу получить, если здраво рассудить: скажем, стал ребенок ныть или, попросту, шалить,—имя черта назовешь, шалунишку брошишь в дрожь—и ребенок стал хорош,—так вот сразу и уймешь, ото всех забот уйдешь и душою отдохнешь.

Повелёл ислам итти
Лишь по этому пути.
Ограничиваи дитя,
Чтоб его от бед спасти!
Разобраться не берись,
Делом начатым гордись!
Что? Не веришь? Ну, не верь!
Не стыдишься? Не стыдись!

О, СТРАСТЫ!

О, страсти! Веления твои превыше всех иных!
И потому моя глава всегда у ног твоих.
Мой нрав и вера—это ты! Ты проявляешь их!
Повелевай—перед тобой я трепетно притих!

Исполню все! Велю служить моим трудам—тебе!
О, будь уверена во мне—весь мир отдашь тебе!

Не буду властен в чем-нибудь—вооружусь я злом!
Отброшу верность—и пойду упрямо напролом!
Об'единенных разобщу, вражду создам кругом!
Когда не покорится кто и станет мне врагом,
Я все на свете подчиню твоим словам, тебе!
О, будь уверена во мне—весь мир отдашь тебе!

Когда меня иной умом стократно превзойдет,
И станет так же, как меня, его хвалить народ, —
Я не стерплю! О, что со мной тогда произойдет:
Завидовать моим делам начнет бесовский род!
Своим коварством послужу я тут и там тебе!
О, будь уверена во мне—весь мир отдашь тебе!

Моею властью разрешить я должен все дела!
И если б воля в чем-нибудь, могучая, сдала, —
Пусть кто-нибудь промолвит вслух: добру моя хвали! —
Он будет уничтожен мной в единый миг до тла!
Всех поразит, как я служу, умен, упрям, тебе!
О, будь уверена во мне—весь мир отдашь тебе!

Когда в делах нет выгод мне—погибель тем делам!
Увидев тысячу нагих—и тряпки им не дам!

Ни славы, ни добра не дам хотя бы за весь ислам!
Я из-за родины своей не изменю страстиам!
Как будет сладостно внимать ее мольбам—тебе!
О, будь уверена во мне—весь мир отдашь тебе!

Я добиваюсь лишь того, чтоб шел ко мне почет.
О, как страдаю я, когда почет к другим идет!
Мое неизмеримо «я», другие «я» не в счет!
И если к дуракам порой мой гордый путь ведет,—
Унизясь, я велю служить тем дуракам—тебе!
О, будь уверена во мне—весь мир отдашь тебе!

Настанут дни: узнают все, как преданы они.
Все станут презирать меня в те роковые дни!
Расплата полная придет—аллах меня храни!
Почет и слава пропадут! Где радость?—Догони!
Боссгав, нарушу свой обет—пойми, я сам!—тебе!
Увы, я этим вновь и вновь себя предам тебе!

ЧЕЛОВЕК

Из глубин земли говорит шайтан:—Человек!
Как же в плен наук взято столько стран, человек?

Просвещенный—кто? Сеет знанья—кто? Ты поверь:
Этот путь тебе шептуналы дан, человек!

Коль простой народ тех наук плоды соберет,
То моллам тогда ни к чему и сан, человек!

Чтоб народ—прозрел? Чтоб народ—созрел? Никогда!
На такой позор не пойдет тиран, человек!

Если стал батрак о своих правах говорить,
Что же бек тогда, агалар и хан, человек?

Борзописец—плут, он утратил стыд,—и теперь
Не устанет он нагонять туман, человек.

Будь локорен злу! Отгони добро! За кинжал!
Не щади голов! Будь от крови пьян, человек!

Это—суть твоя, это—твой закон, ты пойми,
Отвергает кровь лишь один шайтан, человек!

Ах, возможно ль нам тех кровавых рек не пускать?
Чтоб из наших душ вдруг исчез дурман, человек?

Говорит всегда нам дурная страсть: убивай!
Ни сестра, ни брат— лишь враждебный стан, человек!

Не срывай завес темноты своей, чтоб не знать,
Что тебя давно покорил шайтан, человек!

ГОРЕ СКРЯГИ

О деньги! Вы моя душа, так радо сердце вам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Свет жизни, люди ищут вас, как божью благодать,
И всякий вами свой недуг умеет исцелять.

Кто вас не знает, тот спешит благотворить опять,
Кто вас не ценит, тот готов—для нации отдать.

В друзья души зову я вас, тоскуя по ночам.
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Все знают, как я предан вам, сиянью ваших глаз.
И дни, и ночи глаз своих я не сводил бы с вас!

За вашу полноту отdam я весь ислам зараз!

Гори весь мир—одним грошом его бы я не спас!

Пусть к вашим сундукам пути не будет беднякам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

С почтеньем, деньги, каждый день я навещаю вас:
Я поклоняюсь, деньги, вам, ценю без краю вас,

Я нежу вас, я вам служу—и умножаю вас,—

На соли, сыре берегу, на чашке чаю вас!

Вас ущемив, я под удар главу подставлю сам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Как жизнь свою, я берегу тебя, мой чистоган!

Зря и молле тебя не дам, хоть чту высокий сан!

Он не получит ничего—прочти хоть весь коран!

Голодный, голый—проходи! Для них ли ты мне дан?

Пусть нищий кровью стал плевать, не верю я слезам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Без вас лишь час я проведу—в стенаньях изойду,
Заставлю плакать ради вас детей своих орду,
На страже вас поставлю честь и славу приведу,
А день придет—я жизнь отdam, сгорю за вас в аду!

Туда в тревоге я уйду, на радость сыновьям.

За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Ах, возлетит моя душа туда, в кипящий ад!
Моллы степенные придут и, совершив обряд,
Наследникам передадут тебя, мой добрый клад!
И кто поймет, что до небес мои мольбы взлетят?

О денежки! На вас глядеть я с болью буду там!

За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

РАСПЛАТА

Зашумел народ,—не пускать!
Тут и там орет,—не пускать!
Паутину школы, наук
Ежедневно ткет,—не пускать!
Против нас поход,—не пускать!

Увлекли народ болтуны,
Болтунаам газеты даны,
Под котлом дрова зажжены,
Вот уж пар встает,—не пускать!
Все взлетит вот-вот,—не пускать!

Молодежь? Оставьте ее!
Чистой крови нет у нее!
Что их правда мне? Их бритье
Оскверняет род,—не пускать!
Раз не чутут бород,—не пускать!

Мы должны признать колдовство!
Но поэтов? Нет! Никого!
Ведь у них со школой родство
С каждым днем растет,—не пускать!
С ними рой невзгод—не пускать!

Что поэт? Безбожник! Злодей!
Разве он похож на людей?
Все стихи порви и развей!
Ни странички в ход—не пускать!
Еретик идет,—не пускать!

С честью и стыдом заодно
И ума ему не дано!
И забыл он бога давно!

Против бога прет,—не пускать!
Чуть раскроет рот,—не пускать!
Вот он цепи рвет,—не пускать!
Станьте у ворот,—не пускать!

КУРИЦА

Усни ты, курица,—найдешь во сне зерна немало ты,
Молчи, голодная,—орла в просторе не узнала ты?

Сидеть в курятнике не смей, и на дворе ты не торчи,
Смотри, зевнешь,—не избежишь хозяйского книжала ты!

Ты на яичницу взгляни, взгляни на пламя в очаге —
Напрасно из яиц своих цыпляток ожидала ты!

Ты не тверди: «Чурек, чурек», как зангезурец, не шуми,—
Но чем торгуют хан и бек должна узнать сначала ты!

Не доверяйся болтунам, что о самих себе кричат,—
Как в трудный час бегут они—на деле испытала ты.

И сладостных речей моллы должна ты тоже избегать:
Зменного во рту моллы не видишь разве жала ты?

Так не гляди ж ты, нищета, на рожи этих богачей,—
Взгляни на саван! Ведь еще в могиле не лежала ты!

Ты об «ученых» помолчи! А вздумаешь увидеть их,
Взгляни на карты в их руках и на хрусталь бокала ты!

Дела, проделки, сделки их—один туман для глаз твоих.
Взглянула! Что же? Только спесь пустую увидала ты!

КАК СКВЕРНО МНЕ, АЛЛАХ!

Бай-бай, как трудно стало мне, как скверно мне, аллах!
Ей-богу, я горю в огне,—спаси, податель благ!
Горсть недругов чернит ислам, забыв и стыд, и страх,
Непослушанье пробудить хотят в твоих рабах!

В такие злые времена мне жить пришлось, ах, ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Повсюду к жертвам нас зовут, к созданью школ зовут,
Поставить доску в каждый класс, а также стол—зовут.
Зовут нас розги отменить, к нам произвол зовут,
И выставить скорей из школ почтенных молл зовут,
И пригласить взамен моллы учителя, ах, ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Чтоб в год пятьсот-шестьсот рублей хватал учитель тот?
Что значит он, зачем он к нам пристал—учитель тот?
Чтоб новый метод применять он стал—учитель тот?
Чтоб, получая свой оклад, снял учитель тот?
Чтоб, видя этот капитал, молла вздыхал: ах, ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Уж год, а то и больше, я расстроен, изнемог,
К работе руки не лежат, к делам—не двинуть ног:
Ах, даже у моих детей какой-то новый слог!
Ах, это все в моих ушах трещит, свидетель бог!
Права, свобода, Порт-Артур, Манчжурия, размах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Клянусь бывшим, сошли с ума, развращены они!
Ислам! Безверьем новых дней заражены они!

О, как понять, во что теперь превращены они?

Какой-то там свободе все душой верны они!

Такие, право, молодцы—не выразить в словах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Ах, неужель минувших дней никто нам не вернет?

Ах, неужель им не дано продлиться лет пятьсот?

Науки, знания, мораль, вы дали б нам отчет!

О, ненавистный прошлый год и позапрошлый год!

Сгореть бы вам, чем у невежд будить огонь в умах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Не знаю, чем я занят был, что не видал ничуть,

Как это племя—враг наук—избрало новый путь?

Такою верой в этот путь наполнена их грудь,

Что когти горя рвут меня и не дают уснуть!

Как знать, наступит ли когда стремленьям этим крах?

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

НЕ ВЫШЛО ЛЬ ТАК, КАК Я СКАЗАЛ

Ну, что мечты твои теперь? Скажи, куда девал ты их?
Дрожали небо и земля от жалоб и угроз твоих!
Иль ты, ошибку увидав, отрекся от надежд былых?
Ты отвечаешь невпопад,—не вышло ль так, как я сказал?

Не ты ль твердил, что ты здоров и что в тебе болезней нет?
Что гневом преисполнен ты,—не я ли говорил в ответ?
Не ты ль вскричал, что наложил на страсти личные запрет?
Теперь, когда глядим назад,—не вышло ль так, как я сказал?

Не ты ли, славя энджумен, твердил, горячий человек,
Что не позволит в нем никто, чтоб стал у власти атабек?
А что случилось? Энджумен—он верен слову не навек!
И все пошло на старый лад,—не вышло ль так, как я
сказал?

Не ты ли утверждал в те дни, что только Дума все спасет?
Не я ль сказал, что есть у нас сомнение на этот счет?
Скажи, бакинский депутат уехал защищать народ?
Поди ты прочь, ты зелен, брат,—не вышло ль так, как я
сказал?

Не ты ли говорил тогда, что Дума обеспечит нас?
Не я ль сказал: «Поменьше ешь—ведь заболит живот как
раз!»
Сгустились тучи,—ты скажи, спасенье наше где сейчас?
Туман, завеса, счегопад,—не вышло ль так, как я сказал?

Не ты ль божился, что у нас и дружба, и единство есть?
А помнишь, я сказал, что нет, недостоверна эта весть,
Что только и способны мы на зависть, на вражду, на месть?

Теперь уж прояснился взгляд! Не вышло ль так, как
я сказал?

РАБОЧЕМУ

Ты человек? Что это так, ужель считаешь ты?
Что человеком быть—пустяк, ужель считаешь ты?

У человека, ты пойми, лишь роскошь быть должна,
У человека—до краев наполнена мояна,
Дома в убранстве, и на всем рука его видна.

Дворцом хибарку—грязь и мрак—ужель считаешь ты?
Что человеком быть—пустяк, ужель считаешь ты?

Ты в знатном обществе, смотри, не вылезай вперед!
Перед начальством смирино стой, закрыв покрепче рот!
Не подобает беднякам пускать словечки в ход!

Что равен богачу бедняк—ужель считаешь ты?
Что человеком быть—пустяк, ужель считаешь ты?

Кто с богачами уравнял несчастных бедняков?
У нас и вид, и сущность есть, бедняк, а ты каков?
Ты о достоинствах своих и двух не свяжешь слов!
Что мы в одном ряду, простак, ужель считаешь ты?
Что человеком быть—пустяк, ужель считаешь ты?

Удел твой—молотом стучать, не зазнавайся, эй!
О равенстве мечтаешь ты? Не строй пустых затей!
Двугривенный получиши в день—уж ты и богатей?
Мильоном каждый свой пятак—ужель считаешь ты?
Что человеком быть—пустяк, ужель считаешь ты?

Мы—богачи, мы—богачи! Почет и слава—нам!
А если нам дана казна, то и держава—нам!
И власть над ней принадлежит,—подумай здраво!—нам!

Страну добычею зевак ужель считаешь ты?
Что человеком быть—пустяк, ужель считаешь ты?

Скажи, кому обязан ты свободою своей?
За наши добрые дела ты нам дерзить не смей!
Да ты за это все воздать когда-нибудь сумей?
За честь—клеймить нас так и сяк, ужель считаешь ты?
Что человеком быть—пустяк, ужель считаешь ты?

Смущенье знаешь ты?
Себя ль терзаешь ты?
Ох, сохрани, аллах,
В огне ль сгораешь ты?

ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕЛОДИЯ

В чем призвание певца? Не в добре ль оно всегда?
И кому, как не сынам родины, дано всегда?

Не певцу ли светлым быть воплощеньем дней своих?
И не мира ль бытие в нем отражено всегда?

Счастье, честь родной страны—вечная мечта его,
Сердце чуткое певца к ней обращено всегда.

Кто, поэзия, в твоем царстве на престол воссел,—
Знамя чаяний того гордо взнесено всегда.

Но поэт, который жив пустословьем и хвалой,
Не холоп ли мерзкий он, в чьей душе черно всегда?

А продажность тех певцов, что деньгам поклоны бьют,
Не гиуснейшим ли грехам пенье их равно всегда?

Не преступно ли сбывать песни—мудрых жемчуга—
По цене горшков худых, с хламом заодно всегда?

Подхалимству чужд поэт по природе, и оно
С лицемерьем, только с ним, крепко сращено всегда.

Лицемерие—порок, так оставим же его
Для святош, которым лгать было не грешно всегда!

Чем прожить пять-десять дней, пресмыкаясь у владык,
Лучше сразу смерть—у нас правило одно всегда!

У певца, который чтит власть возвышенных идей,
Речь высокая таинь зерно всегда.

Я не говорю: хули всех людей подряд, о нет!
Разум честных поносить нам возбранено всегда!

Если из вражды своей ложно обвинишь кого, —
Значит, ум порочен твой, сердце стеснено всегда.

Также я не призову интригана восхвалять —
Восхваленье черных дел чести лишено всегда.

Справедливость охраняй! В ней — к спасению прочный мост.
Кто оступится на нем, попадет на дно всегда!

Воле правды подчинись, лишь ее путем иди,
Даже горе в том пути ей подчинено всегда.

Мой Али! Сабиром будь к мукам от страны родной,
Сердце в муках за нее гордостью полно всегда.

ПИСЬМО ДРУГУ

Среди руин Ширвана никогда
Я радости не знал за все года.

Одним страданьем век исполнен мой,
Мне стала родина моя тюрьмой.

Я вместо счастья видел столько зла —
И что же? Прахом жизнь моя пошла!

Не знал я друга в этой стороне,
Мои друзья врагами были мне.

В приятелях я недругов нашел,
Удел же одиноких так тяжел!

Чем больше терпит человек в пути
Мучений, тем трудней ему итти.

Чем больше человека давит гнет,
Тем он быстрей уходит от невзгод!

И вот иссякли силы у меня:
Хоть я Сабир, терпеть не смог и дня!

Не стал никто опорой земляку —
И, гордый, я направился в Баку.

Поэт расстался с родиной своей,
Заветный сад оставил соловей.

Что мне сулил, что дальний значил путь?
Готовый ко всему, я начал путь!

Закончить все дела помог мне бог,
Хотя бежать никто мне не помог.

И, наконец, Баку увидел я —
Возвышенных и чутких душ края!

Принес мне вдоволь сахару тростник,
На пальме упований плод возник.

О, сколько здесь отзывчивых людей.
Для истомившейся души моей!

У каждого — высокая мечта,
Мечта с мечтами общества слита.

Сознательности с верностью союз,
Несокрушимый дух, тончайший вкус!

Но в славном этом обществе, мой друг,
Я сердцем одного приметил вдруг.

Летами молод, опытен умом,
Почтенностю отмечен он во всем.

Прекрасный и душою, и собой,
Он благодатной наделен судьбой.

Чисты его и думы, и дела,
Ему — тысячекратная хвала!

Доверчивый, доверья ищет он,
Но низкий им не будет пощажен!

Достоин он желанное цайти,
Быть за свои деяния в чести!

Нет, к вероломному такой почет,
Поверь ты мне, вовеки не придет!

Коль человеком назовешь плута,
То это будет злая клевета.

Мы лишь надежность в человеке чти, —
А называться всякий может им!

О ты, земляк чистосердечный мой,
Ты к радости открыл мне путь прямой!

Я знаю каждого—ведь я поэт,
Понятен мне радушный твой привет.

С тобою дружбы не было у нас —
Откуда ж эта теплота сейчас?

Все оттого, что чувств мы не таим,
Все благородством рождено твоим!

От солнца—свет и благодать кругом,
От тучи—гром и молния с дождем.

От пальмы— финик, от дурмана—яд, .
А с ивы только листья к нам слетят.

Так, добрая душа всегда добра,
Так, нам от злого не видать добра.

Когда хоть малое добро творят,
Понятливый благодарит стократ.

Чем я воздам за тьму твоих услуг?
Стихи—вот все, чем я богат, мой друг!

Добро иль зло поэту окажи —
Он все опишет без малейшей лжи!

Как я скажу, что был ты нехорош?
Куда с пути пристойности свернешь?

Молю я провиденье лишь о том,
Чтоб окружило милостью твой дом,

Чтоб за свои дела благие ты
Сполна осуществил свои мечты!

Желаю многих радостей тебе!
Благословение твоей судьбы!

С возлюбленной беседы не печаль,
С красавицей дели свою печаль!

Да будет весел круг друзей твоих,
Да будет враг твой немощен и тих!

Услышь мое желание, аллах!
Так молится Сабир в своих стихах:

Пускай заботы друга не томят,
Пусть участи своей он будет рад!

ДЕНЬГИ

Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?
Сумеет ли нас бесполковый понять как-нибудь?

С деньгами! Душа моясызмала предана вам!
Что дивного в том, что я жив поклоненемъ деньгам?
Без вас не бывать ни пирам, ни веселымъ денькам!
Смогу ли без вас я людей убеждать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Растет моя гордость, как отданый в рост капитал!
Растете, вы, деньги,—и вес мой как-будто не мал!
Не раз при молитве от Мекки я взор отвращал,
Но взор мой от вас я смогу ль оторвать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Я грабил народ—и совсем захирел из-за вас,
Сундук не закрыт—ну, и сам не смыкаю я глаз!
— Забудь о деньгах!—говорят мне,—лаешься хоть раз.
Но разве безумцу любовь обуздать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Нужда—не про нас! Нам знакома чеканка монет!
Без денег и славы у самого славного нет!
Ты, сердце, горюй, испытай ты хоть тысячу бед,
Но можно ль деньгам на костре побывать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Корпел я годами, истратил недюжинный пыл,
Спешил, торопился, глядишь—и богатство скопил!
И прожил я свято, хотя никого не щадил.

Возможно ли святость мою утерять как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

А ныне в народе замечена новая прыть:
Подай-ка им денег, чтоб школы для бедных открыть,
Чтоб, видите, деток обоего пола учить!
Но можно ли бедных к науке поднять как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Что толку, что к знаниям нищие дети идут?
Что встали и в школу они на рассвете идут?
Нет, пусть на работу нахлебники эти идут!
Родные! Могу ль просвещенье признать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Чтоб чтили науку всецело—новинка для нас!
Чтоб женщина в книгу глядела—новинка для нас!
Их богопротивное дело—новинка для нас!
Нельзя ли нам этот родник закопать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

У М Е Р

Ай-ай! Заснул он крепким сном, должно быть, умер он.
И одеяло спит на нем,—должно быть, умер он.

Полет эпохи разбудил родню, соседей, всех,
А он и не проснулся днем,—должно быть, умер он.

Нет, нет, живые так не спят, нет, нет, ему не встать!
Увы, лежит он мертвцом,—должно быть, умер он.

Сгустилась в жилах у него, совсем замерзла кровь,
От кожи веет холодком,—должно быть, умер он.

Смотрите: в тело вши впились, кусают сотни блох,
И скорпион, знать, нипочем,—должно быть, умер он.

Я говорил о нем врачам—от всех один ответ:
Черед совсем не за врачом,—должно быть, умер он.

Нет, растираньем не помочь, лекарства—ни к чему!
Напрасно прижигать начнем,—должно быть, умер он.

И мусульманской детворе все ясно стало вдруг,
Все только и твердят кругом: должно быть умер он.

Смешно, что некоторых дам порой мы слышим вздох
О мусульманах моем: должно быть, умер он.

Ах, дядюшка Молла, скорей по книге погадай!
Когда спасенья нет,—споем: должно быть, умер он.

АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ МЕЛОДИЯ

Что ты втерся в общество? Чепухи не мели, бедняк!
Слишком стал заносчивым, а сидел на мели, бедняк!

Чуть мы смолкли—сразу же ты кричишь, дуралей!
Прямо в залу тычешься, не стоишь у дверей!
Ты ж—рабочий! С ханами ты тягаться не смей:
Видишь, сколько роскоши мы себе завели, бедняк?

Позабыв об устали, поднимаешь ты шум,
Плюнув на приличия, так и прешь наобум!
И, гордясь отрепьями, ты приходишь, угрюм,
К нам в папахе нищенской, весь в грязи и пыли, бедняк.

Гляньте: рожа рожею!—и такие слова!
Погляжу на мерзостных—заболит голова!
Их у нас рассеяно—считаешь едва!
Не пойму, откуда же вы возникли, пришли, бедняк?

Было время клянчили вы у нас всякий раз,
Поднимались на ноги—лишь завидите нас!
Клацались почтительно, умиляя подчас:
Были вы застенчивы, вы дерзить не могли, бедняк!

Нынче все по-новому—и носитель чарух
Равноправья требует, раздражая наш слух!
Век настал безрадостный, к бекам, ханам он глух:
Вдруг проснулись спавшие и глаза обрели, бедняк!

Эй, ступай ты к равному, там и душу излей,
Да деньки подсчитывай до получки своей!

Да, лишенный доблестей, требуй доли светлей!
Что, не так ли выглядишь ты, безумье земли, бедняк?

Ищешь человечности? Так, но где же твой сан?
За культурой тянемся,—где богатство, смутьян?
Жаждешь ты величия, как какой-нибудь хан,—
Где ж ковры роскошные? Покажи, расстели, бедняк!

Говоришь ты с наглостью,—где ж бараны твои?
Где ж твои любовницы—Сони, Анны твои?
Где же собутыльники? Где стаканы твои?
Где друзья-картежники? Где вы ночь провели, бедняк?

Если б вам достоинство дал господь, как и нам,
Он бы вам и золота дал, как всем богачам!
Деньги—доля избранных! Ну, подумай ты сам!
Нет, в чохе заплатанной будь от блеска вдали, бедняк!

Сколько вы с дерзаньями ерунды нанесли, бедняк!
К черту! К бесу! К дьяволу! Убирайся, не зли,
бедняк!

СЫНУ

О богатств моих расточитель злой!
Осужденный гнить, мой мучитель злой!

Просвещенья друг, мерзкой школы друг,
Ты не смог бы жить без своих наук!

В день, когда на свет появился ты,
Как я счастлив был, что родился ты!

Я сказал тогда: «О мой сын, пойми:
Ты—наследник мой, честь моей семьи!

От заслуг моих будешь ты снять,
Будешь радовать ты отца и мать.

Если в мир иной перейду я жить,
Все мое добро лишь тебе хранить!»

Я не знал, что есть у науки власть,
Что сожрет тебя эта злая страсть.

Мой ученый друг обманул меня:
В роковую сеть затянул меня!

Я послал тебя в этот страшный дом,—
Ах, зачем я жил не своим умом?

Крепкий корень свой подрубил я сам,
И светильник свой погасил я сам.

Но ошибку пусть совершил отец.—
Светлым дням своим положил конец,—

Так зачем же ты по тому пути,
Непокорный сын, захотел итти?

Не пора ль тебе, мой сынок, устать?
От ученых дел, наконец, отстать?

Я вчера сидел, проверял счета:
В кассе денег нет—и душа пуста!

Покупать, поверь, сотни книг нельзя:
Торговать совсем из-за них нельзя!

Ну, тетрадей пять ты б себе купил...
О неверный сын! От кого твой пыл?

Карандаш, перо, кто придумал вас?
Лучше б стать ему в этот миг без глаз!

Пожалей меня, не давай сгореть! —
Трудно золотом было сделать медь.

Деньги попусту, мой сынок, не трать —
Не расстраивай ты отца и мать!

То один пустяк, то другой пустяк —
Капитал мой весь, видит бог, иссяк!

Все здоровье ты потерял, сынок;
Почернела кровь и лицом поблек!

Ох, опасен он, твой недуг, поверь!
Боже, кто его исцелит теперь?

Ты не спишь, не ешь и не пьешь совсем,
Стал за книгами некорош совсем!

Говорю тебе:—Отдохни, приляг...
Нет, ты отдыха и прогулок враг!

То бормочешь ты, позабыв досуг,
То закаркаешь, как ворона, вдруг...

Вот пришла весна, принесла цветы, —
Неужель отца не утешишь ты?

Ты б, как сверстники, встретил эти дни —
На лугах теперь и в садах они!

Те в простор небес исторгают клич,
С гордым соколом поджиная дичь;

Эти пить-кутить собрались тайком —
Кто в заняты их упрекнет таком?

Этот картами увлечен герой,
Тот любовною занялся игрой, —

Каждый в чем-нибудь или как-нибудь
Сметкой, смелостью тут сумел блеснуть!

Силу в обществе укрепив свою,
Каждый радует, веселит семью.

О родители! Благо в мире вам,
Вам, забывшим счет этим дивным дням!

ЭКИНЧИ

Притворяясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи!
Не прикидывайся ты лисичкой, смешной экинчи!

Что ни день, с извинениями ты не торчи под окном,
Не склоняй головы ты ни днем, ни в ночи под окном,
По башке, по груди кулаком не стучи под окном!

Тон приличный усвой в разговоре со мной, экинчи!
Замолчи ты, холоп! Эй, не очень-то ной, экинчи!

Что тяжелым был год у крестьян—я совсем непричем!
Что взошел вместо хлеба бурьян—я совсем непричем!
Что погибли чалтык и баштан—я совсем непричем!

Виноват же не я, а какой-то там зной, экинчи!
Замолчи же, проклятый! Не очень-то ной, экинчи!

Все твое достоянье попало под град,—мне-то что?
Твой баштан унесла саранча, говорят,—мне-то что?
Одеяло свое отдаешь ты в заклад,—мне-то что?
Вот продаешь ты палас, разжившись казной, экинчи!
Брось болтать, не хами и не очень-то ной, экинчи!

Что работал ты много, но нечего есть—не тверди!
Если правда, что ты умираешь, то к черту иди!
Нет пшеницы? Из глаз доставай! Мне плевать на дождь!
Добывай мне пшеницу любою ценой, экинчи!
А не то—разочтешься своею спиной, экинчи!

Не имеешь—так что же? Тебя я убью, но возьму!
Вырву к черту глаза и печеньку твою, но возьму!
Плетьью голое тело твое обовью, но возьму!

Потолкуй о судьбе со своею женой, экинчи!
Замолчи, не болтай, и не очень-то ной, экинчи!

Эй! Из проса чурек ты, устав от работы, глотай!
Жаждешь? Лед растопи и без всякой заботы глотай!
Яд—не камень, мой друг,—и змею заодно ты глотай!
Не имеешь ты к мясу привычки дурной, экинчи!
Как животное жил и живешь ты, дрянной экинчи!

Человеческий облик лишь мне по достоинству дан!
Я потомственный бек—нет мне дела до всяких крестьян!
За обедом я пьян и за ужином тоже я пьян!
Таково положенье мое под луной, экинчи!
Я же бек, а не пахарь, не червь земляной, экинчи!

ВСПОМНИ

Когда совершают поминок обряд
И дом в неизбывной печали затих,
В чалмах именитые люди сидят
И четки порхают меж пальцев у них,
Хозяина грустные мысли томят,
А мысли о пище—гостей дорогих;
Когда фисинджана вдохнешь аромат
И мясо окажется в пальцах твоих,—
Тогда хоть случайно ты вспомни меня!

Когда угощенье вскипает в котлах,
Потом на тарелки идет из котлов,
И важные люди, забыв о делах,
Степенно вкушают дымящийся плов,
А рядом, за дверью, не молкнет: «Аллах!»—
Бездомных и нищих униженный зов;
Приносят шербет—о услада услад!—
Ты чашу под'емлешь—о благостный миг!—
А голод с печалью за дверью стоят—
Друзья неимущих, бездомных, нагих,—
Грустя чрезвычайно, ты вспомни меня!

Когда миллионщик, обделав дела,
На бедных какую-то долю дает,
И, деньги считая, верховный молла
С молитвой своей пред творцом предстает:
— О боже, лишь нам, лишь достойным хвала,

А эти, за дверью—презренный народ!
Сосчитаны деньги и в пачках лежат
И вот они скрыты в карманах больших,
И шейхи, с молитвою, тайно едят
Плоды, что взлелеял бедняк не для них,—
О, сыто и тайно ты вспомни меня!

БОЮСЬ

Брожу ль на заре по широким полям—
Шиповника цепких ветвей не боюсь.

Гуляю ли ночью по темным степям—
Змей под ногою моей не боюсь.

Отправлюсь ли странствовать на корабле—
Ни бури, ни мертвых зыбей не боюсь.

Схожу ль, одинокий, на берег чужой—
Любых дикарей, хоть убей, не боюсь.

На горы, как солнечный луч, упаду—
Вулкан, разразись поскорей!—не боюсь.

И если я тенью спускаюсь в леса—
Ни волка, ни тигра, ей-ей, не боюсь!

На стадо ли львов набреду в камышах,
Останусь среди камышей,—не боюсь.

Приют ли на кладбище старом найду—
Что в мире вампиров страшней?—не боюсь.

Развалины ль служат обителью мне—
Нисколько соседства чертей не боюсь.

Куда б ни забрел я на шаре земном,
Какой ни предстал бы злодей,—не боюсь.

Годами скитаясь по странам чужим,
Встречаю я всяких людей,—не боюсь.

Но если ко мне мусульманин идет,
Аллахом, святыми поклясться могу,—

Его-то, при храбрости всей,—я боюсь!
Причины? О пропадом ты пропади,

Носитель кровавых затей,—я боюсь!
Да, да! Я боюсь, я боюсь, я боюсь!

НЕ МОГУ

К этой тайне ключа я найти не могу,
Жить без разума в трудном пути не могу.

Вот теленок—и тот вырастает в быка,
Только я почему-то расти не могу.

Говорят: «Помолчи, постыдись говорить!»
Я же правду держать взаперти не могу!

Если видят глаза и работает ум,
Солнцу в небе сказать: «Не свети!»—не могу.

Словно горный поток, ливень хлещет меня,—
Я ж, бездомный, спастись и в клети не могу.

Говорят: «Надоел! Не мели чепухи!»
Я ж печали своей извести не могу.

Говорят: «Непоседа! Но я ж, не трудясь,
Раздобыть и копеек пяти не могу.

Говорят: «Бестолковый! Избавься! Умри!»
Правда, братец ты мой! Как я в мире ни бьюсь,
Но вот эту тропу обойти не могу!

КАША И МЯСО

Встречаю кашу кое-где и набредаю на мясцо,
Увижу: даром подают—и налетаю на мясцо!

Моя мечта летит в дома, где угощенье предстоит,
На все зовите: на бозбаш, на чашку чаю, на мясцо!

Вам не понять, как я люблю вдыхать густой шашлычный дым!
Свой нюх, как тот голодный кот, я навостряю на мясцо!

Когда десятки жирных туш я вижу в лавке мясника,
Чуть не в собаку превратясь, я чуть не лаю на мясцо!

О, как бывает сладко мне, когда я важно мясо ем,
А дети тощие глядят, в слезах без краю, на мясцо!

Люблю я мясо от души, но деньги мне еще милей!
О, мне бы вороном скликать на падаль стала, на мясцо!

Известно: тратит кое-кто под праздник денежки свои
На зелень, масло и шафран, и—знаю, знаю!—на мясцо.

Конечно, вкусно это все, но только б—даром получить!
На вещи тратиться нельзя и, повторяю, на мясцо!

Нет, деньги требуют того, чтоб ты их складывал в сундук:
Легко ль их ближним отдавать, родному краю—на мясцо?

Мне так противен мой народ! Едва услышу я о нем,
Я багровею так, что весь похож бываю на мясцо!

Хоть капитал есть капитал, но в нем душа моей души:
Ну, как соседу, брату дать? Дать шелопаю—на мясцо?

Бахлул-ага? Отдам ислам, поверь, но денег никогда
Не дам на кашу, на бозбаш, не отсчитаю—на мясцо!

НАДЕЖДЫ НЕ СБЫЛИСЬ

Эй, ты, невежда, не кружись, не зазнавайся, чорт возьми!
Не гогочи, как юльчуган из невоспитанной семьи!
Смотри, лицо твое в пуху,—так не трещи ты, не греми!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Когда в делах порядка нет, дано ли им свершиться в срок?
Возможно ль полдня наступить, пока не заалел восток?
И приведет ли к нам весну один раскрывшийся цветок?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Казнили аatabека вы—не отрицаю я ничуть!
Но их же тысячи еще—или не так я понял суть?
Так скоро обновилась дверь? О нет, меня не обмануты!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Допустим, умер аatabек, а есть ли ружьям счет у вас?
Где ваши пушки, я спрошу? И где военный флот у вас?
Все те же бания и ушат! А к новым путь ведет у вас?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Национальное, скажи, правительство дано ли вам?
Пришлось ли стать короче им—папахам длинным и рукам?
Страной прошел ли паровоз, распространяя шум и гам?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

По Тегерану походи, узнай, как лечит Тегеран!
И как врачует, погляди, известный хан Абульгасан!
Он ядом тело отравил народа своего, Иран!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Ирака земли назову—читателя тоска возьмет,
И удлинится наша речь—не уберечься от острот!
Вот почему сейчас мой стих короткий разговор ведет:
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Ручьи не понеслись пока!
И власть, окраски не сменив,
Свой нос задрала ввысь пока!

НЕВОЗМОЖНОЕ

— Ослепни!
— Ну, что же? Я это могу.
— Молчи!
— Я согласен всю жизнь—ни гу-гу!
— Не слушай!
— Прекрасно! Я уши заткну.
— Не смейся!
— В слезах я проснусь и усну.
— Не думай!
— А это, прости, ерунда!
Об этом ты лучше забудь навсегда!
Сумеет ли мыслящий не разуметь,
В огне—не гореть? Так условимся впредь:
Оставь ты подобные шутки с огнем,
Не злись—и свободней мы оба вздохнем!

ПОДРАЖАНИЕ

Вот совлек с себя поднос
Покрывало красоты,
Из конца в конец на нем —
Яства, будто бы цветы!
За столом обжор — не счастье!
Ах, на кухне их мечты!
В горло их течет шербет,
Сахар услаждает рты.
Плов, похожий на чалму,
Так и дразнит животы!
Предвкушенье этих яств
Сладостно до тошноты.
Посмотри: среди гостей —
Никого из нищеты!
Время ужина пришло —
Проповедник, где же ты?
 Без дельца делам не быть,
 Без тебя пирам не быть!

Час еды, твой аппетит
Разыграться должен рьяный,
Для постящихся людей
Наступает миг желанный:
Скатерть — в блюдах! Над столом
Пар встает благоуханный.
Эти яства, помолясь,
Вкусит знатный, вкусит званный.
Здесь, куда ни поглядишь, —
Все эмиры, беки, ханы!

Души жалких бедняков
Запах блюд изводит пряный,—
Сердце ж знатных веселят
Эти жирные баары!
Не томись, бедняк, хотя б
Источили сердце раны!
Без нужды рабам не быть,
Без тебя—скорбям не быты!

Обойдя немало стран,
Этот мир я вижу старый:
У недужного—недуг,
У богатого—амбары,
У голодного—мечты,
У барышника—товары,—
С кровью сердца слезы лью.
Не снеся подобной кары.
Можно ли, не зарыдав,
Эти выдержать удары,
Если в сердце у меня
Не взыграет пламень ярый,
И стихи в груди моей
Не взметнутся, как пожары,
И во мне не зазвучит
Голос птицы или тары?
Нет, без слов певцам не быть,
Без певца—стихам не быты!

Так отдаи печаль певцу,
Человек нужды и бед!
Время, чтобы всех скорбей
Стал носителем поэт,
Чтобы стих свободный мой
Над тобою пролил свет,
Чтобы, увидав тебя,
Каждый восскорбел в ответ,
Чтобы образ твой людской
В их глазах оставил след!
О, не будь наивным ты,
Что стоишь разут-раздет:

У бездушных богачей
Уваженья к просьбам нет!
Лей ручьи кровавых слез,
Чтоб узрел их целый свет!
Без несчастий нам не быть,
Без тебя—слезам не быть!

БОЖЕ, СЛАВА ТЕБЕ!

За твоих бессердечных дворян, боже, слава тебе!
За набивших до края карман, боже, слава тебе!

За глядящих без дрожи на горести нации всей,
Но имеющих славу и сан, боже, слава тебе!

За спокойствие мельниц живых, тех, что знают одно:
Лишь бы был пожирнее баран,—боже, слава тебе!

За людей, утонувших в крови верных братьев своих,
За твоих мусульман и армян, боже, слава тебе!

О, за кровь, что покрыла Баку, знаменитый Баку,
И рекою течет в океан, боже, слава тебе!

За рычащих твоих дикарей, за твоих кровопийц,
В чьих глазах лишь кровавый туман, боже, слава тебе!

За шакалов твоих гордских,—их в пустыню б загнать! —
За кишащий зверями мейдан, боже, слава тебе!

За честнейших людей, что всерьез помогают лжецам
Замышлять сверх обмана обман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно крадут в женской бане белье,
За подобных твоих мусульман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно глядят на такие дела,—
Их же совесть не тронул шайтан,—боже, слава тебе!

За терпенье твое и за то, что не сжег ты земли,
Говорю я, от радости пьян: боже, слава тебе!

Не решить мне загадки, лежащей скалой на груди!
Это только начало начал, жизнь еще впереди!

1908

НА ЧТО ТЕБЕ, АЛЛАХ?

Из камня высеченный род на что тебе, аллах?
Сердца холодные, как лед, на что тебе, аллах?
Чем зло сильней, тем с каждым днем смиренней человек,
Народ, сносящий всякий гнет, на что тебе, аллах?
Когда ни искренность, ни честь, ни правда не нужны,
Тянуть позор из года в год на что тебе, аллах?
Когда из слез людей нужды сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах?
На склоны гор, в простор лесов оленей выгонять,
Когда охотник их убьет,—на что тебе, аллах?
Когда от пащел и садов доход имеет бек,
Зерно взлелеявший народ на что тебе, аллах?
Труд—батрака, ярмо—быка, земля кругом—твоя,—
Лентяя-бека жадный рот на что тебе, аллах?
Когда над миром темнота владычицей стоит,
Тот, кто страдальцам свет несет,—на что тебе, аллах?
И нев долгополых мусульман, что людям в сюртуках
Наслал бы тысячи невзгод,—на что тебе, аллах?
И если им такая власть, хулителям, дана,
То честных животворный пот—на что тебе, аллах?
Когда доносчики вершат свои дела с умом,
Шейтан, ленивый сумасброд,—на что тебе, аллах?
Когда мужчина не домой шагает, а в кабак,—
Жена, что дома слезы льет,—на что тебе, аллах?
Прости меня, прости меня, прости меня, аллах?
При виде мудрости твоей меня об'емлет страх!

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

- Ну как живете вы? Как город ваш родной?
— Хвала творцу, живем, как праородитель Ной!
- А много ль новых школ ваш край сынам открыл?
— Немало медресе еще Адам открыл!
- Читают ли, скажи, газеты здесь у вас?
— О, да! Глупцы—во всю, но мы—не портим глаз!
- Ну, а читальни здесь открыли или нет?
— Читальни разнесли мы за открытьем вслед!
- Скажи, помог ли кто голодным беднякам?
— Да что им помогать? Аллах их видит сам!
- А вдов не позабыл ваш город опекать?
— Не лучше ль замуж им повыходить опять?
- О единены к вам доносятся слова?
— Да, кое-кто шумит, но речь у них мертвя!
- Не скажешь ли, суннит к шииту в дом идет?
— Что?! Что ты говоришь? Я разорву твой рот!
- Я все сказал тебе. Я ухожу. Прощай!
— На что ты сдался мне? Ко всем чертям ступай?

Смотрите на него! Какая рожа, рот!
А шляпа! А слова! Несчастный сумасброд!

ФИСИНДЖАН

Когда судьба раздавит нас, не думай: все на слом идет.
Когда на мельницу пора, крестьянин за мешком идет.

Таланты родины моей перемешались—не поймешь!
Просеяв, чистое возьмем, а пыль—за ветерком идет.

Волненье времени сравнить я с маслобойкою могу:
Айран останется на дне, а масло вверх комком идет.

Кто любит человека, тот влюблен в свободу навсегда.
Да, человечность вместе с ней единственным путем идет.

Ты просвещенным не тверди:—Вы на ошибочном пути!
Здесь о невежестве твоем, здесь речь о нем одном идет!

О просвещенных говоришь и об «ошибке» их твердишь:
Противоречие с твоим невежеством рядом идет!

Иль, может, просвещенья луч тебя, сверкая, ослепил?
Летучей мыши ты сродни—вот разговор о чем идет!

Молчи, наглец! Не говори: смотрите, мол, какие мы!
Мы тех признаем, кто вперед, не прячась, прямиком, идет!

Лишь краем глаза своего на бедноту глядите вы,
Спеша туда, где фисинджан, где пир ночной и днем идет!

Я НЕ ПОВЕРЮ

Я не поверю, что мораль твоя верна, святой отец!
Коли верна, пускай казнит меня она, святой отец!

Тебе религия нужна, чтоб грабить связанный народ,
Как нож у наглого кочи, она страшна, святой отец!

Ты светлый мир не очернишь по образцу своей души,
Не перекрашивайся, нет, она черна, святой отец!

О, если б денег никогда ты за молитвы не взымал,
Ты б плонул на свои труды, на все сполна, святой отец!

Не суй в глаза мне свой намаз, себя в работе покажи,
Забудь о хитростях своих! Им грош цена, святой отец!

НАМ ЧТО?

Если с голоду бедняк почему-то мрет,—нам что?
Если бедствия пришли раздавить народ,—нам что?

Голодают, но богатств мы ж не посвятили им:
Мол, идите—все добро, не жалея раздадим!
Нет, у нас один закон: верность выгодам своим!
Нет, роскошное житье—нашим детям лишь одним!
Если бешеный буран погубил сирот,—нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет,—нам что?

Все, что нажил, накопил—отдавать им? Что за бред?
Чтобы лопал это все зангезурский дармоед?
Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет,—
Ляг, бельмо, им на глаза, чтобы им не видеть бед!
День и ночь голодный вой, посиневший рот,—нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет,—нам что?

Молдан, оставь! Забудь! Все твои призывы—прах!
Нас насилием не возьмешь! Сам сиди в своих сетях!
Нам глядеть на Зангезур? Видеть этот бледный страх?
Пусть в могилу лягут те, что замерзли на горах!
Не равнину дал им бог, а гряду высот,—нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет,—нам что?

Не показывай нам, друг, твой обители беды!
Летом мы гуляли там, на горах—цветы! плоды!
Но, поборы завершив, мы оставили сады!
На зиму—в Тифлис гулять: пить и петь на все лады!

Рвут бураны Зангезур, смерть ведет обход,—нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет,—нам что?

Мы оставили пока разоренные дома, —
Путь в дома веселья нам указала жизнь сама!
Ах, в Тифлисе много Лиз—красотой сведут с ума!
Тут же люстры светят нам, а к Залхе заглянешь,—тьма!
Если эта тьма навек обняла народ,—нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет,—нам что?

ДИТЯ

Бредешь—и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!
Слезою каждый твой сухарь омыт, мое дитя!
Не перечислить всех твоих обид, мое дитя,
Ты просишь есть, но зря твой крик звучит, мое дитя!

Когда б грядущее в тебе увидел твой народ,
Национальную б открыл он школу в свой черед,
Но блага этого пока никак он не поймет!
Твоих духовных сил ему и не принять в расчет:
Ведь каждый твой талант в земле зарыт, мое дитя!
Бредешь—и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Жемчужина в грязи! Тебя не воскресить пока!
Нет, нас не научил ислам тебя ценить пока!
К попойкам, кутежам, ко сну мы знаем прыть пока —
И каждый пожирней кусок спешит схватить пока!
Их не жемчужина, а грязь манит, мое дитя!
Бредешь—и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Нет, тот не прав, кто о твоих грехах всегда твердит, —
Пускай за это не тебя, а нацию винят!
Когда бы родиной ты был, воспитан, а не бит,
Ребенок, взял бы ты суму? Ты плакал бы навзрыд?
Не знаю, чья нога тебя щадит, мое дитя!
Бредешь—и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Надежда родины моей, печален твой удел:
Еще никто твоей душой заняться не хотел!

О чем ты думаешь? В какой шагаешь ты предел?
Я, глядя на тебя, всегда твоей тоской горел!

Твой каждый шаг тебя на дно стремит, мое дитя!

Бредешь—и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!

О нация! Позор и стыд—подумай ты сама! —

Беспечной быть, когда кругом стоит такая тьма!

Дитя мое! Пускай хрюпят! Зачем стучать в дома?

Навек осталось нам одно: мне—скорбь, тебе—сума.

Тебя унизили, а я забыт, мое дитя!

Бредешь—и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!

АЙ ХВАЛА, ХВАЛА ТЕБЕ!

Вот как в мире ты живешь! Ай, хвала, хвала тебе!
Что ни слово—ересь, ложь! Ай, хвала, хвала тебе!

Значит, правда, что поэт с верой не в ладу давно,
Что умение писать лишь гяурам и дано!
Все их дело—отрицать, веселиться, пить вино!
Снова с книгой ты бредешь? Ай, хвала, хвала тебе!

Непохожий на людей, ну-ка—к зеркалу лицом!
Хною бороду намажь, будь заправским молодцом!
Ты благочестивым стань, палец свой укрась кольцом,—
Чтоб сказали все:—Хорош! Ай, хвала, хвала тебе!

Нет, несчастный, ты себя до могилы не поймешь!
Твой не в меру узкий глаз с молоканским, право, схож!
Чуть услышу, речь твою—уж меня бросает в дрожь!
Ты теперь ко мне не вхож,—ай, хвала, хвала тебе!

Ты на истину взгляни, ну, хотя б одним плазком!
Вай! Портретами чертей ты зачем украсил дом?
Неужель тебе глаза не мозолят день за днем
Вид безбожных этих рож? Ай, хвала, хвала тебе!

Обезумев, ты забыл все дела для суэты!
С новым платьем приобрел даже новые черты!
Любишь блеск штиблет, галош! Это ты или не ты?
Ты в грехах великих сплошь! Ай, хвала, хвала тебе!
Боль мою в себе умножь! Ай, хвала, хвала тебе!

СПИ В НЕВЕЖЕСТВЕ

Если тем, кто заодно с темнотой,
Не угодно этот сон прекратить,
То сумеет ли народ наш простой,
Где аллах и где пророк различить?
Светоч школы ведь затем и возник,
Чтоб цветок ума расцвел без шипов.
О спешащий на заре в тот цветник, —
У твоих святых надежд нет основ!

Спи в невежестве, смирись, дорогой!

Как для спящего заря ни свети,
С черным белое слилось у него, —
Так больному, что лежит в забытьи,
Ввек недуга не понять своего.
Лишь цирюльники его излечить,
Всяк по-своему, мудрят вновь и вновь.
Нет, в сознанье ни к чему приходить,
Если даже потерял ты всю кровь!

С боку на бок не вертись, дорогой!

Слов «безбожник» и «гяур» не мечтай
Из родного языка ты изгнать —
Если жив Мирза-Ганбар,—так и знай:
Всем проклятьям в словаре пребывать!
Не поймет он, что простой наш народ
В братстве с братьями всегда жить готов.
Неужель тот ясный час не придет,
Час, когда исчезнет звук этих слов?

Зная это, не очнись, дорогой!

ТАКАЯ СЛАДОСТНАЯ ЖИЗНЬ

В одном кармане—векселя, в другом—рубли, рубли, рубли,
рубли!

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

И пусть для родины моей часы последние пришли,—

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

О, если вереница гор ко мне с поклоном подойдет

И у голодных из очей забьет поток соленых вод,

Я не сморгну,—я погляжу, растет ли в кассе мой доход?

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Пусть будет родина в крови подобна маковым полям,

Тиранов гнет и братьев кровь не потревожат сердца нам,—

Мы предадимся все душой веселью, радости, пирам!

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Сейчас ни крошки не подам; богатству полнота нужна!

Затем, что в мире каждый миг одним деньгам растет цена!

К чертям! Пусть нации моей не будет будущность дана,

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Где нашей нации права? Где слава? Где ее расцвет?

Как быть? Ни уваженья к ней, ни голоса у бедной—нет!

Мне стать игрушкой этих слов? К чертям!—последний мой

ответ!

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Короче: слова «совесть» нет! Его за шиворот—и вон!

Меня не тронет никогда каких-то там голодных стон!

Душа тогда лишь расцветет, когда ты скажешь: «Миллионы!»

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

И С Т И Н А

Если б каждый правдой жил, лжец не смел бы лжи сболтнуть
И растерянный народ понял бы хоть что-нибудь.

Если б милая была постянной, от нее
Не пришлось бы жениху сердце в страхе отвернуть.

Если б действия словам отвечали до конца,
То народ бы многих слов проверять не начал суть.

Если б правду правдой звал праведник, а ложью ложь,
То согавший, устыдясь, вновь не смог бы обмануть!

Если б ради личных дел нам не пели «баю-бай»,
Не сомкнул бы наших глаз сон невежества ипчуть.

Если б смолкли болтуны и не раздували щек,
То горящую свечу им вовеки б не задуть.

Если бы проклятий гром на правдивых не летел,
Разве ясным мыслям их был бы нужен скрытный путь?

СПАСИТЕ!

Ай, спасите! Развелось рифмоплетов—сущий ад!
Вы подумайте: Ширван превратить в Гянджу хотят!

Разоренные дома разорят они совсем:
С новой школой заодно создают и новый лад!

Не довольно им того, что любой из них—гяур:
Наших добрых мусульман сбить с дороги норовят!

Эй, зачем зовете нас к просвещенью? Ясно всем:
Вы хотите осквернить нашу веру, наш уклад!

Нет, ислам не предадим! А вернее: ни за что
Не откроем кошельков мы для школы, для растрат!

Ведь живем мы не в Баку, не в Гяндже и не в Нухе,
Чтобы для пустых затей не жалеть своих деньжат!

Вы пытались подвести, обмануть пытались нас,—
Что ж? Узнали, как моллы проклинают ваш разврат?

Раскусили нас теперь? Наша доблесть вам видна?
Ловко облачили вас мы в гяурский тот наряд!

Что ж? Идите говорить всюду о себе, о нас,
И о том, как привлекли в школу новую ребят!

МЕСЯЦ РАМАЗАН

Ах, рамазан уже настал, ах, рамазан—для нас!
Таким просторным стал мейдан, и весь мейдан для нас!

За нашим ужином, гляди, сидят владельцы благ!
Они почтенья к нам полны, как повелел аллах.
Пред нами—сотни дивных блюд, все остальное прах!
И жирный плов, и чихиртма живут у нас в мечтах.

Фирни, терек, долма, пити и фисинджан—для нас!
Ах, на тарелке баклажан, ах, баклажан для нас!

С нищий, не гляди сквозь дверь: ты можешь сглазить нас!
Не подывай! Ударю так, что сразу сгинешь с глаз!
Себе ты пиши поющи—найдется в добрый час!
А нет—голодным ляжешь спать, тебе не в первый раз!

Обилье этих тонких блюд не для дехкан,—для нас!
Утеша, слава, вся еда—для мусульман, для нас!

Покамест мы едим и пьем, за дверью ты постой:
Останется, возможно, плов,—стол, видишь, не пустой!
Оглодки наши на полу ты взглядом удостой,
А после —соберешь в суму: ты ж человек простой!

Пока ж и скатерь, и шербет, и весь казан—для нас!
Казан, и чашка, и стакан, большой стакан—для нас!

Тебе никто не запретил просить у всех дверей!
Одежды нет? Добудь палас, прикройся поскорей!
И без приправы сможешь с'есть ты пару сухарей!
А нет—привыкни голодать, крепись, не захирей!

Нас почитают: и шашлык, и весь баран—для нас!
Каймак и кофе—все для нас, да и кальян—для нас!

Уйди, оставь в покое нас! Эй, не мешай ты нам!
Легко ль произносить слова? Не стой же! В рожу дам!
Обман—источник наших благ, ты понимаешь сам!
Хотя мы говорим слова наперекор делам,
Но все ж и роскошь, и купец, и бек, и хан—для нас!
И полный до верху карман, тугой карман—для нас!
И важный сан—для нас,
И бек, и хан—для нас,
А если рамазан,
То и мейдан—для нас!

П О Э Т

Свободный поэт, я призван мою страной писать,
О добрых делах, а также о славе дурной писать,
Сияющим—день, а полночь—об'ятую тьмой писать,
Кривое—кривым, прямое—чертую прямой писать.

Читатель, а ты смущился? Не веришь глазам своим?
Иль, в зеркало это глядя, ты видишь себя кривым?

Как только в уме печальном пылающий стих возник,
Перо обмакнув в чернила, уж я над столом поник,
Но вдруг, изумленный, слышу я вместо скрипенья крик:
Ты руку мою хватаешь, ты хочешь связать языки!

Напрасно! С дороги сердца возможно ли мне сойти?..
Но я не пишу и трети того, что видел в пути!

Нет, я не пишу и трети того, что зовет писать,
А ты целый день бранишься и лезешь ко мне опять!
Суди о себе по правде, а попусту слов не трать!
Не надо писать? Сумей же пороки свои убрать!

Пойми ты свои пороки и не дерись со мной,
Чтоб дольше не огорчались мы оба твоей виной!

Служители слова знают, чем дышит душа твоя:
Они бы могли побольше писать о тебе, чем я!
Ты сам их к перу толкаешь, везде о себе шумя!
Но разве десятой доли касается их семья?

Такого порока, право, нельзя отыскать у них!
Они же стократно выше писаний земных таких!

Как я не могу и трети—аллах, сохрани!—писать,
Десятую долю правды боятся они писать.
Когда б ты сказал, что можно, не вызывав грызни, писать,
Я смело тогда засел бы на целые дни писать:

Не знал бы ты, где укрыться, ты дрогнул бы от стыда,
Изнанка твоя наружу вся б вывернулась тогда!

САТТАР-ХАНУ

Меня безумцем не сочи, читатель: я восторгом пьян!
Взволнован голос мой—и ты его не примешь за обман!
Мой стих—жемчужное зерно, талант—шумящий океан,
Моя свободна красота и пафос мне свободный дан!

Поэт от века восхищен тем, кто отвагой обуян:
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Лишь в Тегеранс разгромил народное собрание враг —
Немедля к Саттархану был направлен тюрков дружный шаг!
Они разрушить поклялись тиранства дикого очаг,
Готовясь к смерти за народ, явив отвагу из отваг.

Но жертву главную принес тот, кто возглавил братский
стан:

Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Азербайджанским тюркам рок услугу оказал свою:
Встают, чтоб завершил Зоххак каджаров подлую семью!
Привет святому праху тех, кто голову сложил в бою!
Не знаю, где и пребывать героям, если не в раю?

Их кровь навеки сохранят в земле Тавриз и Тегеран.
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Вот, поглядите, Саттар-хан занес высоко свой булат!
Не только шаха,—целый мир его деянья поразят!
Он славу родины вознео и честь ислама—во сто крат!
И на страну его теперь все с уважением глядят.

Да, на воспрянувший Иран обращены глаза всех стран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Иранца долг и тюрка долг тебя на подвиги увлек,
И не сгорал ты на огне, как легкокрылый мотылек!

Бесстрашный в битвах Саттар-хан, кто бросил бы тебе упрек?
На повелителя страны позор всемирный ты навлек,
Ты спас любимую страну, ты к жизни возвратил Иран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Тавриэцы, честь вам и хвала: вы свой исполнили обет.
Вам рукоплещут друг и враг, вас прославляет целый свет!
И сам пророк в святом раю вам посыпает свой привет!
Мой Саттар-хан, отважный мой, живи ты много-много лет!
Ты человечеству служил—не только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

ФАХРАТ-КИШИ

Не смей вставать пока, поспи, Фахрат-киши!
Увидя новый век, зажмурил свой взгляд, киши!
Вес одеял твоих возрос стократ, киши!
Бородкой потряси раз пятьдесят, киши!

Накройся с головой, ты ль снам не рад, киши?

Ведь о первой ночи ты всегда лежишь—вот так,
Спокойствие свое познал и чтишь—вот так,
Уверовал в него, и спиши, и спиши—вот так!
Что? Надоело спать? Ты всех смешишь—вот так!

Накройся с головой, ты ль снам не рад, киши?

Твоя башка бела, ну, как му́ка,—совсем.
Бородка у тебя жидкa, жидкa совсем,
Беззубый, впала грудь, дрожит рука совсем.
Ты с обезьяной схож—наверняка! Совсем!
Проклятья образ ты—на все века! Совсем!

Где опиум? Скорей прими ты яд, киши!

Ах, потяни кальян—мечты вскипят, киши!

Передохни! Поспи! В постель! Назад, киши!

Накройся с головой, ты ль снам не рад, киши?

ПРОПОВЕДНИКУ

Проповедник, не пора ль одежды скинуть нам двоим?
Ну-ка, мысли обнажив, перед народом постоим!
Пусть на миг увидит он, что мы в душе своей таим,
И свою оценку даст делам моим, делам твоим!

И позор тому из нас, в ком белое черно, старик!
Может быть, прозреют те, кто в забытье давно, старик!

Позабудем, например, потоки наших громких слов,
Скинем с зеркала души пустых условностей покров,
Призовем к себе друзей, а заодно—своих врагов:
— Наша совесть—вот она! И вид ее всегда таков!

И позор тому из нас, в ком белое черно, старик!
Может быть, прозреют те, кто в забытье давно, старик!

Что, нельзя ли нам с тобой отбросить блеск своих имен?
Шум, снискавший нам почет,—пускай в забвенье канет он!
Да сойдутся стар и мал—и разглядят со всех сторон
Поведенье, облик наш и все, чем каждый наделен!

Да смутится тот из нас, в ком скверное одно, старик!
Может быть, прозреют те, кто в забытье давно, старик!

Нам бы сесть да написать о том, как жили и живем,
Правду выложить одну о состоянии своем:
Наши честные слова сопоставляя с бытием, —
Пусть узнает наш народ, чего хотим, к чему зовем!
И позор тому из нас, от чьей души темно, старик!
Может быть, прозреют те, кто в забытье давно, старик!

1909

Ш А Х-Н А М Э

Мой шах, венценосец, прославленный шах!
О, столько народов повергнувший в прах!

Когда ты изволишь спросить обо мне,
То рапорт прими, достоверный вполне.

В тот день, как мой конь повернул от тебя,
Дорогой к Тавризу направился я.

Хотел Саттар-хана я шашкой достать —
Проверить безумца военную стать!

Желанье в душе клокотало моей —
Прогнать мұджахидов с кровавых полей!

Сказал я себе:—Не в мечтаньях, а в'явь
Ты золотом шитое знамя прославь!

Скаcala охрана моя—по бокам,
И каждый игид—современный Рустам!

Пехота потоком неслась впереди,
Наседники мчались с отвагой в груди.

Блестел патронташ на любом, как доспех,
В руках револьверы и ружья—у всех.

И трубы, и флейты тревожили высь,
И к небу победные крики неслись!

Трещали весь день барабаны в пыли,
На пыльных повозках мы пушки везли.

С таким ликованьем, с величьем таким
Я мчался путем незабвенным своим!

Со мною надежды на счастье неслись—
И вот, наконец, показался Тавриз!

Велел я, немедля, под музыки гром,
Лазутчикам в город пробраться тайком.

Я думал, что нету пустяшнее дел,
Но мне подчиниться никто не хотел.

Тогда, ослушаньем таким раз'ярен,
Я город велел обстрелять с трех сторон!

Открыли огонь—ужасающий вид! —
Казалось: он с неба на землю летит!

Пришлось бунтарям кое-что испытать:
Четыре—убитых и раненых—пять!

Увидя внезапную кровь, Саттар-хан,
Как молнию, выхватил свой ятаган:

— Сюда, муджахиды! Герои, сюда!
Докажем, что в жилах у нас не вода!

О, если последний остался нам час,
Докажем, как мил он и дорог для нас!

Ведь все, что добыто в борьбе за народ,
Один этот час—устранит иль спасет!

И вдруг всколыхнулся воинственный стан,
И вот, что услышал в ответ Саттар-хан:

— Зачем умирать? Мы пойдем убивать!
А сгинем—и гибель для нас благодать!..

Тогда-то из города вышли враги,
Я с ужасом слушал проклятых шаги!

Шаги муджахидов! Дышал я с трудом —
Их топот казался мне страшным судом!

И вдруг на колени упали они,
И клятву священную дали они!

И смолкли, и встали, в лице изменясь...
О боже! и так налетели на нас,

Что в страхе попятались наши войска!
Не знал я, что наша погибель близка!

Такого позора не видеть бы впредь,—
Я издали даже боялся смотреть!

А хан! Что за хан! Этот голос! И взор!
Бунтарь — и такой беспощадный напор!

В испуге возвел я глаза к небесам!
Я плонул на войско — ведь гибну я сам!

Я думал о жизни бесценной своей,
Решил я на гору взобраться скорей.

Я смело взобрался, над бездной скользя!
О, что я узрел! И представить нельзя!

Когда бы стоял ты бок-о-бок со мной,
И ты б любовался подобной войной!

Как заяц, бежала могучая рать!
Я звал: «Продержитесь! Зачем удирать?»

Я звал, но никто в эти просьбы не вник:
Глаза государства ослепли в тот миг!

Раздавлено войско! О, горе и срам!
Все ружья и пушки достались врагам!

Я понял, что плохи дела у меня,
И все же надежда была у меня:

Я двадцать казаков призвал—и к тебе
Помчался, душой благодарный судьбе!

Вот так с муджахидами кончился бой!
В моем донесеньи я весь пред тобой!

Мой шах! Что изволишь теперь повелеть?
Ни денег, ни жизни не стану жалеть!

Хоть конь мой устал и хромает сейчас,
Готов я исполнить любой твой приказ!

ОТНЫНЕ

Найдем предлог какой-нибудь—отныне до скончанья дней,
Чтоб к вере наш народ вернуть—отныне до скончанья дней!

Прикрыв кораном старину, должны мы новшества изгнать,
Чтоб шариат забыл их суть—отныне до скончанья дней!

Журналы догмой подавив, должны науку мы убить
И путь развития замкнуть—отныне до скончанья дней!

Зачем газеты издают? Чтоб в мире множить суету?
Да сгинет, братья, эта муть—отныне до скончанья дней!

Моллу, религию не чтут,—давайте же укрепим ислам,
Чтоб и не смели посягнуть—отныне до скончанья дней!

Всех проходимцев—всех писак—изгоним из родной страны,
И преградим обратный путь—отныне до скончанья дней!

Сойди, влиянье их, на нет! Оставь ты их, былая власть!
Чурек, дорогу к ним забудь!—отныне до скончанья дней!

Тетради, книги их порви, разбей чернильницы, народ,
Но калемдан не тронь отнюдь—отныне до скончанья дней!

О, если то удастся нам, мы уничтожим их печать,
Чтоб их писанья зачеркнуть—отныне до скончанья дней!

А главное—поэтов рой нам от ислама отлучить,
Не веря слову их ничуть—отныне до скончанья дней!

И, словом, если разум в ком еще живет, он—еретик!
Ему мы скажем:—Проклят будь—отныне до скончанья дней!

Спасайтесь, братья! Поскорей друг другу руки подадим!
Пусть единенiem дышит грудь—отныне до скончанья дней!

А если денег нам дадут, должны мы снова их признать
И в мусульман их обернуть—отныне до скончанья дней!

ВИНОЙ ДУБИНА

От горя свет померк дневной;
Дубина, знать, тому виной!
Страна—вверх дном, позор сплошной;
Дубина, знать, тому виной!

Зачем, Иран, твои сыны
Безумца жертвой быть должны?
Сове ль развалины нужны?
Судьба ль забыла край больной?
Дубина, знать, тому виной!

Друг друга силятся понять,
Сердца чего-то ждут опять.
А где меджлис? Не разыскать!
Повсюду слышен лай шальной,—
Дубина, знать, тому виной!

Где конституция? В пыли!
Наглеют слуги Мемдели!
От жира вздулись, оплыли!
Шейтана правят всей страной,—
Дубина, знать, тому виной!

Он клятвами уверил всех!
Но не его ль мы слышим смех?
Так почему же без помех
Плюет злодей на край родной?
Дубина, знать, тому виной!

Зачем нарушил клятвы он?
Зачем приказы рвут закон?
Зачем коран испепелен
И нож—звездой во тьме ночной?
Дубина, знать, тому виной!

Рад хулиган из кожи лезть!
И вера продана, и честь,
И всех невинных жертв не счасть,—
Хоть отправляйся в мир иной!
Дубина, знать, тому виной!

Зачем ораторы молчат?
Зачем в тюрьме сейчас их брат?
И только склочник, зол и рад,
Оскалил пасть, как пес цепной?
Дубина, знать, тому виной!

Вот мудрый,—что же проклят он?
Зачем достойный оскорблен?
И слышен вольнолюбца стон:
Из страшной лужи кровяной?
Дубина, знать, тому виной!

Своих поступков не стыдясь,
Он все живое топчет в грязы
Зачем же месть не поднялась
На выродка с душой двойной?
Дубина, знать, тому виной!

ИРАН—МОЙ!

Я—могущественный шах, подо мной—страна моя!
Как ее ни называй: Рей, Иран,—она моя!
Новый дом в стране—он мой, старая стена—моя!
Конституция—ничто! Власть еще сильна моя!
Сила, слава—все мое! Честь—и та сполна моя!

Конституцию хотя мой отец вам даровал,
Был он набожный старик, мягок был, стыдлив и вял,
Но политику, клянусь, он совсем не понимал!
Ну-ка вшивую чоху надевай и стар, и мал!

Я—на троне золотом, всем парча видна моя!
Сила, слава—все мое! Честь—и та сполна моя!

Не иранец я ничуть, а великий Менделеев!
Я—тиранства волчья пасть, предо мною—вы в пыли!
Я—беда над головой у подвластной мне земли!
И неважно, что меня вы пиявкой нарекли:
Кровь и мясо—лишь мои! Туши толпщина—моя!
Сила, слава—все мое! Честь—и та сполна моя!

Укрощая вас, я был—помните?—неукротим,
Сын лабазичка в те дни полководцем стал моим.
По меджлису дав огонь, превратил его я в дым!
Я присягу растоптал, я отверг коран, бог с ним!
Что мне слово, что обет?—воля мне верна моя!
Сила, слава—все мое! Честь—и та сполна моя!

Пусть из Турции до вас докатился чей-то крик,
Крик, одобренный людьми в красных фесках в тот же миг,—

Не тужи, о старовер, от него я не поник:
Не заставят те умы побледнеть Ирана лиki!
На арену вышел я, рядом—старина моя!
Сила, слава—все мое! Честь—и та сполна моя!

А тавризцы неужель были слепы в те года,
Как со мною—день ли, почь—кейфовали без стыда?
На правителя ж они не косились никогда,
И меня на трон отца подсадила их орда.

А теперь что нужно им? Власть им, что ль, нужна моя?
Сила, слава—все мое! Честь—и та сполна моя!

Нет, иранец должен быть все несчастней, все темней,
В унижении жить, в нужде, в рабстве с первых детских дней,
На чужбине изнывать, гибнуть меж чужих людей,—
Прочь, иранец! Вшай ищи ты в худой чохе своей!
Здесь я—хан! Закон здесь—мой! Тьма утверждена—моя!
Сила, слава—все мое! Честь—и та сполна моя!

НЕ ПУСКАЙ,—ИДЕТ

Хандосту, аман! Не пускай,—идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай,—идет!

О, закрой скорей поплотнее дверы!
Человек ли он—этот страшный зверь?
Разве это муж? Нет, не муж, поверы!
Крокодил! Кабан! Не пускай,—идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай,—идет!

Помолвляли нас—я глядела в пол:
Он за юношу с ваших слов сошел.
Вижу я теперь: вот каков орел!
С'ел меня обман! Не пускай,—идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай,—идет!

Душу, душу мне холодит испуг:
Я боюсь, что грудь разорвется вдруг!
Сердце бьется так, будто в нем недуи!
Он идет, шейтан! Не пускай,—идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай,—идет!

Глянь: труба на нем,—не папаха, нет!
Я в боевых его вижу белый цвет!
Знаю, знаю: он—твой ровесник, дед!
Он вампир, тиран! Не пускай,—идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай,—идет!

Нестерпимый дух от него идет!
И слюнявый мне так противен рот!
Как змей, боюсь я его забот!
Мне на гибель дан! Не пускай,—идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай,—идет!

ОН—ДИТЯ

Прах на голову тебе, не тронь мальчишку, он—дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он—дитя!

Брата ль твоего ругнет, тебя ли—это ж баловство!
Прахом дедушки молю: о, не расстраивай его!
Воспитанье—чепуха! Ему двенадцать лет всего!
Не поймет он,—так зачем учить мальчишку? Он—дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он—дитя!

Из-за ругани одной не мучь ребенка без стыда!
Дикой выходкой своей соседей не скликай сюда!
Эту ругань относи ты к моему отцу всегда!
Муж, не злись и не кричи ты на мальчишку, он—дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он—дитя!

Ах, соседка, ах, Агджа! Какое счастье с мужем ей!
Чем ругнется сын смелей, тем окрылен отец сильней!
Ну, а ты за пустяки, мой муж, по глупости своей,
Мучишь сына своего! Оставь мальчишку: он—дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он—дитя!

Нет, о школе, мой супруг, ни слова мне не пророни,
Будто дети в ней растут, умней становятся они!
Не поверю! Ты за брань поменьше мальчика бранни!
У него не слово—мед! Жалей мальчишку: он—дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он—дитя!

Не армяне мы с тобой, чтоб сына школой истязать!
Глаз младенец не открыл, а ты его—томить, терзать!
Что за пользу от наук имел наши непутевый зять?
Он такой способный—сын! Не мучь мальчишку: он—дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он—дитя!

АХ!

Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!
Наш народ с темнотою дружил тогда!

Разобраться в правах не пытался он,
Перед книгами не преклонялся он,
Революции не улыбался он,
С темнотою в глазах и рождался он!

Сколько мрака я в речи вложил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Не пыталась пороков искать страна,
Зло добром научилась считать она.
Нас увидеть желаньем была полна,
Нам везде и повсюду росла цена:
Нас почетом ислам окружил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Все стонали, ко пир не смолкал у нас,
Повелитель опоры искал у нас,
Вор в поклоне всегда поникал у нас,
Вкусный пловуваженье сыскал у нас:
День ли, ночь ли—я в гости спешил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Лицемерили мы—не видал народ.
Что со святостью дело в разрез идет,—
И у нас вырастал, вырастал доход:
Нас и наше вранье окружал почет!
Наш закон правоверных страшил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Мы абой прикрывали любой порок,
Все, что нам приносили, сбирались впрок.
Нам ни жадность, ни алчность не шли в
упрек,

Почитался целительным наш порог:
Многим дом наш Каабой служил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Веру в бога—на нас обратили мы,
За хранителей веры сходили мы:
Всем казалось, что вправду светили мы,—
Их гроши трудовые копили мы!

А скучных я проклятьем глушил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Нынче бес настоящий живет в любом!
И не бесы—шайтаны кругом, кругом!
Оседлали и едут на нас верхом!
Неужели мы прошлого не вернем?

Наш народ с темнотою дружил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак!
Её шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не говори, что рабства ночь уже изгнала наш край родной, —
Не видишь разве, что она еще темнее над страной, —
И разве не погиб Иран под тиранической волной?
Тиранство всей вселенной кровь своей измерило ценой,
А вот в Тавризе кое-кто стоит за деспотов стеной!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Её шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не лги, что храбрости клинки слепят глаза у всей страны. —
Скажи, что языков клинки, чтоб проклинать, обнажены!
Те, что носят мусульман, себя причислить к ним—вольны!
Сейчас—за правду проклянут, другой не подыскав вины.
Эпоха дивная! Тебе ни ум, ни знанья не даны!

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак:
Её шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Сказал ты: муджахидов сган сумел возвысить свой Иран.
Но согласится ль с этим знать, ее усердье, совесть, сан?
Но это может ли стерпеть покорный шаху рабский стан?
Лишь тем, кто жертвует собой, подобный путь от века дай.
И где теперь найдешь ты честь? Ты крепче стой за свой...
карман!

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак:
Её шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Нет, стала ты теперь и вярьмъ ареной огненной, страна!
И тем, кто на арене той, отвага львиная дана.

Но хитрость множества лисиц теперь то здесь, то там видна.
Иранцы спят, но вдруг поймут, что вся страна разорена!
«Не мусульманин—муджахид»—твердят лисица не одна.

Что ж, можете свободу клясть, вам глотку не заткнуть
никак!

Что ж, говорите: в дом ее не поведет наш путь никак!

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ, АЛЛАХ?

Что делать мне, аллах? Погиб наш род!
Как расплодились эти без бород!
В стране число их с каждым днем растет!
Они в любое дело знают ход!

Эй, старики! Эй, пожилой народ!
Эй, не пускайте дело пропадет!

По сотне всяких дел вершит—любой,
На сходках речью устрашит—любой!
Суннита радует шиит—любой!
Суннит к шииту в дом спешит—любой,
И, словно с братом, разговор ведет!
Их честь погибла! Каждый—сумасброд!

Они религии своей не чтут,—
Лишь честь народа! Что ты скажешь тут?
Единой цели посвящен их труд,
Обычай отцов при них умрут!
Пустые люди—пусть их гром убьет!
Ни кызылбashi, ни сунниты,—сброд!

Нарушили родства закон—зачем?
Суннит к шииту устремлен—зачем?
За человека принят он—зачем?
Чтоб был ислам об'единен—зачем?
О, люди с головой! Что веру ждет?
Эй, не пускайте лживых без бород!

Раз удалось нам цели их узнать,
Их сборище должны мы разогнать!
Нам их не трудно будет доканать:
Где ни увидим—тотчас проклинать!
Скажите им: проклятье их сожжет,
Разрушивших религии оплот!
Они друзья гяуров, бог—не в счет!
Их честь погибла, в голове—разброд!

ЖАЛОБА ЖЕНЩИНЫ

Ханбаджи, у меня разрывается грудь—
Я от горя и злости не в силах вздохнуть!

Я бы стала скорее прислугой скупца,
Чем супругой такого, как муж мой, глупца.

Я же в щель не выглядывала никогда,
Не текла во все стороны, словно вода,

Не болтала я глупостей в уши подруг
И не знала совсем, что такое супруг.

Было любо в отцовской земляничке мне:
Быть помощницей матери в разной стряпне,

Повозиться с иглой над отцовской чохой,
Да порыться в сединах у бабки глухой.

Я доила корову чем свет—и совсем
Не просила я помощи у Хансенем!

По нарядам, ох, нет, я не знала тоски:
Я любила по стенам лепить киэяки.

Мой отец—зеленщик, старый дед мой—столяр,
Брат мой—ткач, а вот дядюшка—тот мыловар.

Тетке все погадать бы, а бабке—попрясть,
И была для нас грамота—просто напасть.

Ах, вовеки не знали мы пакостных книг!
В нашем доме закрыли мы двери для них.

Были мы, как цветы,—наслажденье для глаз,
Ни учитель, ни школа не трогали нас!

И такого противного слова «тетрадь»
Мы не знали и вовсе хотели б не знать!

Вот таким благочестьем светился наш дом—
И стройней кипариса я выросла в нем!

Но случилась беда: обручили меня!
Вам казалось, что в рай вы впустили меня!

Я мечтала, что стану счастливой навек,
Что мой муж—настоящий, с умом, человек.

Я не знала, что есть, и такие, как он,
Что он зверь, хоть и женщиной бедной рожден!

Это... это не муж, а какое-то зло:
Ведь читать и писать для него—ремесло.

Это... это—поэт, будь неладно ему,
Да и книгам его, и любому письму!

Как могли перед богом вы так согрешить:
Мне с таким непутевым приходится жить!

Почитает, попишет, бормочет потом,
То он с новою книгой, то—с новым листом.

То он пялит глаза, словно чем изумлен,
То как-будто бы в обморок падает он!

То всю ночь до утра не ложится, не спит
И точь-в-точь, как сорока, о чем-то трещит.

А бывает и так, что он во-время лег,
Но лежит и мечтает—о чем же, мой бог?

Вдруг сорвется с постели и лампу зажжет
И сидит голышем всю-то ночь напролет!

Так-то, вместо того, чтобы крепко поспать,
Он читать и писать начинает опять!

Разве это огонь? Разве это угар?
Это просто какой-то безумный пожар!

Навалился на стол—чуть губой шевелит,
На него погляжу я—и сердце болит.

Построгал карандаш, взял бумагу—и вот
Вся бумага черна,—полчаса не пройдет!

Хорошо ли ему или скверно—забыл!
Стыд, усталость и бога он, верно, забыл!

И когда поглядишь в нашем доме на стол,
На постели, на полки, на шинши, на пол,—

Всюду в комнатах наших бумага торчит,
И в кастрюлях и в чашах—бумага торчит!

Просто нету спасенья—лишь книги кругом,
Шкаф ли там или сени—лишь книги кругом!

Говорю ему: слушай, я сохну с тоски,
Что ты там сочиняешь, держась за виски?

Поведенье твое разорило твой дом,
Деньги книгами стали,—что будет потом?

Портишь книгами зренье, ты сбился с пути,
Хоть какой-нибудь выход ты должен найти!

Деньги, силы, здоровье ты губишь, мудрец!
Так и жизнь потеряешь свою, наконец!

Ты без места—и денег лишился совсем!
О когда б ты, мой муж, провалился совсем!

БЕЖИМ МОЙ СЫН!

Ах, вот какая школа к нам пришла!
Детей на новый учат лад они!
Учитель в этой школе—не молла!
Шейтан! Спасайся! Сорвят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Как изменилось все теперь в судьбе:
«Элифы, бен» стали «а» и «б»!
Уж вместо «ей» он «е» прочтет тебе!
На буквы, как враги, глядят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Послушай, вот урок у них идет:
Толкуют все слова наоборот!
Гроша не дам за новый их подход.
Хотя твердят, что это клад, они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Подряд, не по слогам, велят читать.
Он говорит, а ты пиши в тетрадь!
Детей ислама вдруг ведут гулять:
Совсем забыли наш уклад они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

А то глядишь: оставил ум ребят —
Полсотни глоток сразу голосят!
Комедия какая-то! Разврат!
Погубят без моллы ребят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Земля по их рассказам не ровна,—
Кругла и даже вертится она!
И лгут, что ходят солнце и луна!
Неверные, чего хотят они?
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Совсем не так у дедов шли дела:
Уча, имел достойный вид молла!
На нем папаха гордая была!
Он был ученый! Что ж творят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Одной лишь болтовней они живут!
Наденет феску проходимец, плут—
И говорит про змей! Преподают!
Не учат—чепухой томят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Законам предков я не изменю:
Я не предам овое дитя огню!
Веэбожье от потомства отгоню!
Со школой пусть к чертям летят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!
Тут не наука! Лгут! Грешат они!
Да рухнут в ад они!
Грешны стократ они!
Гляурский это дом,
Где нам вредят они!

ПРОДАЮ

Молдан! Не ужился со мною народ:
Поднял на смех,—ну, что ж, эта буря пройдет!
Об'явленье в журнале ты тисни, что вот
Мемдели в магазин покупателей ждет:
За бесценок я вещь не одну продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

В магазине моем все идет на расхват:
Вот твой кубок, Джемшид! Вот престол твой,
Губад!
Что вам? Подданных наших? Идемте на склад!
Кто-то нашей торговле, я вижу, не рад,—
Наплевать! Не ковры и не хуну продаю,—
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Что за толк в неисчисляемых богатствах моих?
Только лишняя тяжесть на сердце от них!
Дед мой так не любил вод соленых морских!
Отступлюсь ли от предков моих дорогих?
Тегеран в ширину и длину продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Тегеран продаю, продаю Тегеран!
Пусть стоит над моимо страною туман,
Пусть не утро, а ночь снизойдет на Иран!
Что мне шахский престол? Нет, отныне я—хан!
Сабзавар и Маям—не жену продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Дом мой, тайны мои, и дела, и слова,
Честь и слава—от них лишь болит голова!
Это все распродать—вот моя же права!
О'держка ве каджаров идет ли мольва,
Об ином ли,—неважно! А ну, продаю!..
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Подчиниться народу? Себе я не враг!
Ограничивать власть? Значит—сковывать шаг?
Слушать армии голос? О, благо из благ!..
Вас, и вашу семью, и родимый очаг,—
Все, припавши губами к вину, продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

ТЕБЕ ВО БЛАГО

Усердье, что являл ты столько дней,—тебе во благо будь!
Твоя страна—ведь шахствуешь ты в ней—тебе во благо будь!
Любой кутеж в тени твоих аллей—тебе во благо будь!
И милость конституции твоей—тебе во благо будь!

С тех пор, как место предков дорогих ты занял, Мемдели,
Ты лишь о горьких нуждах помышлял своей родной земли,
Усилил справедливость ты, как мог,—аллах твой век продли!
Себе и внукам славу ты добыл: вас чтут вблизи, вдали!
Неугасимый свет твоих путей—тебе во благо будь!
И милость конституции твоей—тебе во благо будь!

Хвала обетам искренним твоим, твоим словам святым
И, данным в подкрепленье тем словам, веленьям золотым!
Коран, которым клялся ты не раз,—стократно он хвалим!
И призванным тобой со всех сторон—хвала гостям твоим!
Веселый пир в кругу твоих друзей—тебе во благо будь!
И милость конституции твоей—тебе во благо будь!

Чего, чего ты только не совершил, чтоб усłużить стране,
В которой независимым ты был владыкою вполне!
Теперь тобой гордится вся земля, а твой Иран—вдвойне!
Гордятся честью, именем твоим,—ты, шах, в большой цене!
Оценка справедливейших людей—тебе во благо будь!
Усердье, что являл ты столько дней,—тебе во благо будь!

Страна, живущая шесть тысяч лет, пойми, шесть тысяч лет! —
Такого шаха, как Мамед Али, еще не знала, нет!

Желаньям, убеждениям святым, мечтам твоим—привет!
Твоя забота—милость лишь одна, в твоей стране расцвет!
Твоя корона в зареве лучей—тебе во благо будь!
И милость конституции твоей—тебе во благо будь!

И цепи, что наброшены тобой, о, шах, на шеи львов,
И сабли, что умели не щадить тех избранных голов,
И те дома, которые ты сжег, те тысячи домов,—
Все, все твон деянья, Мемдели, достойны лучших слов!
Ю, сын Умми-Хаган, размах тех дней—тебе во благо будь!
И милость конституции твоей—тебе во благо будь!

БУНТУЮТ ИРАНЦЫ

Зачем бунтуешь ты опять, Иран, Иран?
Не в силах ты страстей унять, Иран, Иран?
Дворяне поклялись—и вспять, Иран, Иран?
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Пускай, как сердце у меня,—сгорел бы ты!
Плохая весть от Мемдели, от сироты:
Бежал—и больше не вернет своей тахты!
У консула ютится знать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Бесславно жить сынам твоим, скажи, зачем?
Прослыть изменниками им, скажи, зачем?
Грозить порядкам вековым, скажи, зачем?
Зачем иранцам погибать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Ему б на троне лишний год попирать!
Пожить на свете без забот, попирать!
Чтоб мог в его руках народ попирать,
А мусульманн—тише стать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Скажите, что вам причинил сиротка мой!
Берег же совесть, что есть сил сиротка мой!
Оклеветали—и вспылил сиротка мой,
И крикиул:—Можешь изздыхать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Был щедрым, как внушает сан, ответь, не он?
Ввел конституцию в Иран, ответь, не он?
И в клятве целовал коран, ответь, не он?

А ты решил не доверять, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Зачем свободу призываешь: «Привет! Иди!»
Кому нужны слова: «Из тымы на свет иди?»
Шесть тысяч лет ты раем был—на нет иди:
Ведь ты о крови стал кричать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Вот Супехдар наводит страх,—ты погляди!
Вождь бахтияров держит шаг,—ты погляди!
О, как от них страдет шах,—ты погляди!
Твоих вельмож и не узнать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Вокруг любого столько войск—звенит в ушах!
Мол, Мемдели, слезай с тахты—не нужен шах!
Порядки старые в три дня втоптали в прах!
Тут шах завыл—и удирать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Прекрасный край, каких людей ты встарь родил!
То были старцы, молодежь—и ум, и пыл!
В те годы тенью бога шах для ханов был,—
Теперь Ефрему ханство взять, Иран, Иран?
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Еще: зачем соваться нам в дела царей?
Влезать, ступая по пятам, в дела царей?
Не вникнуть нашим вожакам в дела царей:
Дано их только шаху знать, Иран, Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

Он знает сам, что взять и что—оставить нам.
Где кожу срезать, где—карман,—он знает сам!
Рубить, казнить, сжигать дома—и тут, и там!
И как бы ты ни стал взывать, Иран, Иран,
В ушах у шаха—тиши и гладь, Иран, Иран!
Ты—раб его, твой долг—молчать, Иран,
Иран!
Куда твоя годится стать, Иран, Иран?

ПОДРАЖАНИЕ НАШИМ ПОЭТАМ

Твой лоб—луна, как солнце—лик, твой локон—муравей!
Ресницы—стрелы, брови—лук! О, сжалься, не убей!

Ах, на пшеничное зерно похожа родинка твоя!
А шейка—глиняный кувшин! А косы—стадо змей!

Твой стан—чинара! Губы—мед! А тело—полотно!
Джейран завидует глазам и ловкости твоей!

Как яблок, подбородок твой! Колодец—ямка в нем!
Гранаты—щеки!... Ха-ха-ха! Ну, где найдем смешней?

ВЫКЛАДЫВАЙ СЮДА!

Народ.

Зилли-султан! Ты нам грозил, ты много жадным ртом
забрал,—
А-ну, выкладывай сюда все, все, что ты кнутом забрал!

Зилли-султан.

О, каюсь, каюсь в том, что я и впрямь тянул из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!.

Народ.

Ведь ты в Европе проживал! Зачем же ты бегом-бегом
Опять направился в Иран? Не ожидал, что грянет гром?
Ты сам, как видно, захотел вселиться в этот серый дом?
Теперь ничем уж не помочь! Сиди, любезный, под замком!

Молчи, впустую не болтай, верни, что этим ртом забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что со своим двором забрал!

Зилли-султан.

О, каюсь, каюсь в том, что я и впрямь тянул из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ.

Припомн по порядку все, что ты готов забыть сейчас:
Как ты сливал в бутылки кровь, лишая этой крови нас,
Как летом на зиму сушил плоды чужие про запас!
Хоть вылезут на лоб глаза, срыгни, срыгни-ка все зараз!

Молчи, впустую не болтай, верни, что ты живьем собрал.
Выкладывай сюда, что сам, что со своим зверьем собрал!

З и л л и-с у л т а н.

О, каюсь, каюсь в том, что я и впрямь тянул из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Н а р о д.

В стране полвека ты, злодей, свои обделывал дела,
К тебе в готовом и в сыром—во всяком виде пища шла,—
Не скалься ж: пользы больше нет тебе от алчности и зла!
Снимай-ка саблю, что тебе побед немало принесла!

Молчи, впустую не болтай, верни, что ты мечом забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что вместе с палачом забрал!

З и л л и- с у л т а н.

О, каюсь, каюсь в том, что я и впрямь тянул из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Н а р о д.

Народ иранский, как дитя, был вами в люльку помещен!
Следила стражка, чтобы он, заплакав, не прервал свой сон!
Но вы забились по щелям—лишь разомкнул ресницы он!
Выкладывай, Зилли-султан, что патаскал со всех сторон!

Молчи, подай сюда добро, что ты петлей, ружьем забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что слуг твоих ножем забрал!

З и л л и-с у л т а н.

О, каюсь, каюсь в том, что я и впрямь тянул из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

ВАИЗУ

Баиз! Работников пера клянешь, скажи, зачем?
С недоброй тучей, с тьмой ночной ты схож, скажи, зачем?

Когда б народ неверным стал, ты в рот воды б набрал,
Но тех, кто понял твой обман, ты жжешь, скажи, зачем?

Громя проклятьями воров, народ ты грабишь сам!
«Мир—суета!»—ну, а тебе грабеж, скажи, зачем?

Приснилось мне, что ты в раю средь гурий ликовал.
О, ночь, ты мне такие сны несешь, скажи, зачем?

Брось лицемерие, ваиз, пойми: оно—порок!
Твердя об этом, затаил ты ложь, скажи, зачем?

Я вовсе лживости твоей не думал испытать
Ты сам о ней душе понять даешь, скажи, зачем?

О, не рассчитывай, что нас ты сможешь обмануть,
Но простодушных ловишь в сеть ты все же, скажи, зачем?

БУДЕМ НЕВЕЖДАМИ

Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть,
С каждым годом все темней и темней должны мы быть!

Коль на суетной земле жить спокойно мы хотим —
От науки, от искусств наши взоры отвратим!
Козни, сплетни — это все! Предадимся только им!
Нет, невежества постель никому не отдадим!
К чорту знанья! Для чего всех умней должны мы быть?
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть.

Одеяло натяни, пустяки — усталый бок!
Уши ртутью заложи, чтобы сон твой был глубок!
Суеверный видя сон, ты взволнуйся, как поток!
Об исламе позабудь: ну, какой в исламе прок?
В нашей помощи врагам все дружней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть,

Отвернемся от людей, что о школе говорят!
Жизнь безбожников таких превратим в кипящий ад!
Пусть бегут, куда глаза их бесстыжие глядят! —
Чтоб народ и край родной были счастливы стократ!
Нечестивцам, что ни день, все страшней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть.

У гяуров есть баллон для прогулок в вышине, —
Нет, по воздуху летать нам приятнее во сне!
Не вчера ль один ахунд говорил тебе и мне:
Кто влюблен в ничтожный мир, тот ничтожнее вдвое!
Чтоб по смерти в рай попасть, поскромней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть,

Где еще ты встретишь то, что встречаешь в мире снов?

Миром видимым живя, что ты знаешь в мире снов?

Ты блаженство на земле обретаешь в мире снов!

Ты на крыльях рук своих воспаряешь в мире снов!

Область ночи, дивных снов—только в ней должны мы быть!

Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

Пусть гяуры день и ночь открывают мир красот,

Гонят сушей паровоз, а водою пароход,—

Мы заплатим за проезд—и проедем без забот:

Нам тягаться с кем-нибудь не пристало, не идет!

Нашей рабской немоте все верней должны мы быть!

Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть,

ЧЕЛОВЕК С МОШНОЙ— ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ

Человек с мошной—человек большой,
А без денег он— человек смешной!

Что там племя нам, что там знатный род?
И характер наш, и душа—не в счет!
Ты в пороках будь с головы до пят,—
Лиши богатство нас от невзгод спасет!

Человек с мошной—человек большой,
А без денег он— человек смешной!

Пусть таланта нет и не блещет ум,—
Миллионщику не до мрачных дум!
Будь тлетворным твой для народа прах—
Окружит тебя вечной славы шум!

Человек с мошной—человек большой,
А без денег он— человек смешной!

Ты бессовестен? Не беда опять!
У народа кровь не бросай сосать!
Наберешь тишком пять грошей с лихвой,—
Уважать тебя станет наша знать!

Человек с мошной—человек большой,
А без денег он— человек смешной!

ЛУЧШЕ ПРОПАДОМ ПРОПАСТЬ

Лучше пропадом пропасть и совсем не думать мне,
Чем дышать и понимать—и гореть в таком огне!

Жил бы с темными людьми—тоже темный человек,
И тенета темноты рвать не вздумал бы вовек!

Принимал бы, не кривясь, горечь снадобий, как
мед.
Пел бы песенку свою, как в мечети плут поет!

Подтверждал бы рьяно все, чем лукавый одержим,
И с уздой на голове мирно плелся бы за ним!

Что ж поделаешь теперь? Дело сделано—и ты
Мук не мало перенес от хулы и клеветы.

Хватит жалоб! Никого не вини в своем kraю:
Что б с тобою ни стряслось, на судьбу пеняй свою!

Отвечай, зачем ты стал различать добро и зло?
И, когда народ твой спал, спел, хотя не рассвело?

Правоверным был бы ты, соблюдал бы дни поста,
И смиренно б лобызая руки-ноги у плута.

А теперь—иди, казнись ты за все свои дела,
Слыша, как тебя клянут из-за каждого угла!

НЕ ДАЮ!

Друг любезный, Молла! Погляди, что за кровь у купца
Ханкиши!

До чего и квартира, и дом, и именье его хороши!
На богатство, торговлю его, на доходы взглянуть поспеши!
На понятия, совесть и честь, на сокровища этой души!
Ты не знаешь, с подобной душой может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной душой непрестанно копить
миллион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Ханкиши не бездомный бедняк, хлеб, конечно, у знатного
есть!
Хлеб-то есть, разумеется, есть, только сил не имеет он есть!
Все его увлеченье—копить, чтоб считать и считать, и не
счастен!

Быть владыкой колонии золотых он почел бы за высшую
честь!

Ты не знаешь, с подобной мечтой может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной мечтой непрестанно копить
миллион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Не сочтешь на лугах у него баранты, и коров, и коней!
Стань их больше хоть в тысячу раз—он во столько же ста-
нет жадней!

Поклоняется золоту он с самых первых сознательных дней!
Ты не думай, что я клевещу—сам он скажет: нет слова
честней!

Ты не знаешь, с подобной чертой может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной чертой непрестанно копить
миллион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Очень стар он, ему уж восьмой иль девятый десяток идет,
Вся семья его—он да жена: на двоих, без детей, и доход!
С каждым годом богатство его, с каждым месяцем, часом
растет!

Все фальшиво у старца: аршин, и пудовая гиря, и лот!
Ты не знаешь, с подобной лихвой может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной лихвой непрестанно копить
миллион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Десять шаев—полтинник один—все, что за день расходует
плут,
Хоть монеты в его сундуки, словно горная речка, текут!
Станет деньги считать кто-нибудь—он уж слюнку пустил
тут как тут!

Он от жадности лаять готов, как собака голодная лют!
Ты не знаешь, о подобной слюной может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной слюной непрестанно копить
миллион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Говорю ему:—Эй, Ханкиши, о кончине подумать пора!
Ведь другому достанется все—от жены до остатков добра!
— Что решать за судьбу?—говорит,—ведь ко мне она с
детства добра!

Может, раньше супруга умрет, хоть не очень она и стара?
Ты не знаешь, с подобной судьбой может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной судьбой непрестанно копить
миллион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

— Ты бы выделил часть,—говорю,—на помини многогрешной
души,
Да на школы, чтоб чтили тебя, что-нибудь,—говорю,—
отпиши!

Он в ответ:—Ни копейки не даст на такие дела Ханкиши!
Можешь сам оставлять ты добро для помина своей же души!
Ты не знаешь, с подобной душой может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной душой непрестанно копить
миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Друг Молла! Пусть и трудно тебе, все же выполнит просьбу
мою:

Об'яви неотложно друзьям,—я от них ничего не таю! —
Чтоб на школу никто не просил у того, кто не будет в раю.
Ибо он мне вчера заявил:—Что стесняться в своем же kraю?
Я не трус, я открыто скажу: «Не даю! Не даю! Не даю!»
Ты не знаешь, с подобной мошней может стать благодетелем
он?

И пристало ль с подобной мошней непрестанно копить
миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью нам?

1910

КТО МОЖЕТ УСОМНИТЬСЯ В НАС

Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

Кавказцев старых ты видал? Храбрецы!
Мы все с энергией, с умом—молодцы!
Речисты мы, говоруны, мудрецы!

А что до дел, то мы враги суетни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Река—вдали, но мы уже—босиком!
Едва весна—уж мы в огне целиком!
Даем мы слово—и бегом, кувырком,
Скорей укрыться где-нибудь,—догони!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Пускай заснет весь мир, но нам не заснуть:
Ведь гордость нации хранит наша груды!
И наших не возьмет у нас кто-нибудь—
За грош, за деньги, за пустяк! Ни-ни-ни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Не по душе ни козни нам, ни раздор!
В работе яростны мы все с давних пор!
Вот так выводим мы ислам на простор!
Мы служим нации своей—без грызни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Ах, сколько обществ—погляди!—есть у нас.
Для дела время впереди есть у нас!

Желаный множество в груди есть у нас!

Желаньям сладостным—хвала! Подтяни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

В каких искусствах наших средств не найдешь?
Мы нарушили свой обет? Это ложь!

Нет, нет, открытых нами школ не сочтешь!

Скорее строгий приговор измени!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Мы заведений всяких тьму создаем!
Вот здесь лечись, а там учись день за днем!
В творцах науки мы себя узнаем!

К нам уваженье навсегда сохрани!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Чернорабочих или слуг—нет у нас!
Несчастий, нищеты и мук—нет у нас!

Не занятых работой рук—нет у нас!
Любой имеет ремесло—ты взгляни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Исполнен наш отцовский долг целиком,
Мы не забыли из детей ни о ком,
Еще гордиться нам своим цветником,—
Когда займутся сыновья воровством,
Когда под стражею пойдут в серый дом!
К блаженству нацию свою мы ведем!
Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

ПРОПОВЕДНИКУ

Уж всякий верить стал тебе, в тебе лишь веры нет.
Не надоело ли тебе, скажи, за столько лет?

Пока вся нация спала в невежестве своем,
Ты убаюкивал ее—с достоинством, с умом.
Круг почитателей твоих был шире с каждым днем.
Народ нищал, но шло добро к тебе в просторный дом,
Народ худел, но ты ходил с безмерным животом.
Гнусил ты: «Взятки—страшный грех!»—и брал, забыв
запрет!
«Добро спирт—огонь»—глотал и не пылал вослед.

Всегда порог своей мясной ты называл святым,
Одежду правды надевал, неправдой одержим,
Ты сомневаться запрещал поклонникам своим!
Пытались правду говорить, не худо было им,
Ты, выпучив глаза, бранил, ты превращал их в дым!
Нет, не поймешь ты сам себя, хотя поймет весь свет,
И слово верное мое черпашь ты, как павет!

Тянув из жил народа кровь, порочный, был ты свят,
Чуть на земь кто уронит грош—уж ты зацепать рад!
Ты пел: «Земные блага—тлен!»—и грабил всех подряд.
«Все—суета!»—а сам прослыл строителем палат!
Он крепко-накрепко тобой, клубок наживы, сжат!
Гнусил ты: «Взятки—страшный грех!»—и брал, забыв
запрет!
Уж всякий верить стал тебе, в тебе лишь веры нет!

«Не проклинай!»—таков завет, но ты всегда, всегда
Находишь повод, чтоб проклясть, не ведая стыда!
А если золото сверкнет—стряслася ли беда?
Найдется ли в твоей душе такая ерунда,
Что тех унизит, чья душа возвышена, горда?
 Нет, не поймешь ты сам, себя хотя поймет весь свет!
 Не надоело ли тебе, скажи, за столько лет?

В овечьей шкуре старый волк, запомни: быть беде!
Твоя душа посвящена лишь измененной еде!
Теперь доверия к себе не вызовешь нигде!
Поникли замыслы твои, как воры на суде!
В тетрадь записаны они! Конец твоей звезде!
 Уж всякий верить стал тебе, в тебе лишь веры нет!
 Не надоело ли тебе, скажи, за столько лет?

ДЕНЬГИ

Деньги, вы свет моих глаз, чиль естество вы мое?
Совесть, достоинство, кровь,—не хвастовство вы мое!
Роскошь, величье, почет, власть, торжество вы мое!
Мекка, Медина, коран с богом родство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Годы и годы провел я в добывании вас:
Пусть я совсем изнемог, вас я немало припас!
С вами навеки душа в смертный останется час:
Сила, и радость, и жизнь, все существо вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

О, вы, жестокие! Вам жизнью пожертвовал я:
Миг наслажденья от вас мне—как венец бытия!
Слышу наследников торг, близится гибель моя!
В чей же карман вам попасть? О, волшебство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Деньги, уж вам не лежать в прочных моих сундуках:
Тратить вас в тысяче мест каждый начнет вертопрах!
Вас в ресторанах сожгут, в клубах и в прочих местах!
Будут вас грызть, говоря, что плутовство вы мое,—
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Ах, наступил, наступил час вашей муки большой:
Чуя несчастье, моей вы завладели душой!
Грудь моя вами полна, мозг мой для вас не чужой:

Словно красавица,— страсть и колдовство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Если бы мог, никогда я не оставил бы вас!
Смерть, не считаясь ни с чем, вас удаляет от глаз!
Знайте ж, я буду шептать даже в последний мой час:
Деньги, вы свет моих глаз, иль естество вы мое?
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

ГИМН НАЦИИ

Показала рвенье всем, вышла ты вперед теперь.
Ляг, накрайся, отдохни ото всех забот теперь!

Очень много всяких дел ты совершила тут и там:
Нас на секты разделив, укрепила ты ислам!
Счета нет твоим делам, счета нет твоим словам!
Видишь, не один народ сзади нас идет теперь.
Ляг, накрайся, отдохни ото всех забот теперь!

Потихоньку от чужих разбудила ты своих,
Возвеличила скорей, окружила славой их:
Каждый имена заслужил, высших степеней достиг!
Ты прекрасна в торжестве! Кто тебя забьет теперь?
Ляг, накрайся, отдохни ото всех забот теперь!

После этого смешон тот, кто действовать спешит.
У законов наших дней новый склад и новый вид:
Любит школу род людской и науки свято чтит!
Он ослям и лошадям поезд предпочтет теперь!
Ляг, накрайся, отдохни ото всех забот теперь!

Посмотри: аэроплан, чтоб летать, изобрели!
По земле автомобиль пролетает—весь в пыли!
И об этом и о том толковать в салон пошли!
Заблудились! Боже мой! Кто их разберет теперь?
Ляг, накрайся, отдохни ото всех забот теперь!

Целый мир куда-то ввысь вздумали они поднять!
Ну, а мы в загробный мир вознеслись мечтой опять!
Нашу жизнь—всего пять дней!—мы не вправе сокращать!

Раб таких земных затей в рай не попадет теперь!

Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

Все, что выдумал кяфир, может ли признать ислам?
Мы вовек не подойдем к их расписанным дворцам!
Ожидать отправки в рай на земле осталось нам:

Встречи с гуриями там мусульманин ждет теперь!

Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

ЖАЛОБА

Зенбур-ага! Стал говорить ты невпопад, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам.

Ты верным человеком слыл—и вдруг такой неверный тон!
Зачем какой-то человек тобой в чалме изображен?
Кто на руках его повис? И что собой являет он?
Ты забываешь всякий стыд, когда молчат, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

Что там за цепь, скажи, видна? И что за люди в звеньях тех?
С кого ты их нарисовал? Над кем и чем, скажи, твой смех?
Ислама образ осмеять—ужель ты думаешь не грех?

Твои насмешки никого не веселят, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

Стараясь тайны приоткрыть, ты действуешь наверняка:
Ты добиваешься того, чтоб стала наша жизнь горька.
Ты очень дерзок! Берегись! Возмездье сыщет смельчака!
Тебя не трогают, а ты—наглей стократ, сдается нам,
Ты на обычай пошел, на наш уклад, сдается нам!

Допустим, что рисунок твой от спячки пробудил народ,
Допустим ненависть твоя теперь в сердцах у всех живет,—
И все же нас разоблачать, скажи, какой тебе расчет?
Зря, зря затеял с нами ты такой разлад, сдается нам!
Ты на обычай пошел, на наш уклад, сдается нам!

Сперва кого-то ты задел—и поученьем то назвал,
И говорил, что нам служить примером будет твой журнал,
Потом запутал нас в дела—и это шуткой об'яснял.

Теперь дерешься ты всерьез, бьешь всех подряд, сдается
нам,

Ты на обычай пошел, на наш уклад, сдается нам!

Подумаешь, связали мы сынов ислама по рукам!
Так что же? Разве это грех? Мы ж лили слезы за ислам!
Спасали веру мы свою, а дьявола—ко всем чертям!

Ты, обвиняя нас во всем, сам виноват, сдается нам!

Ты на обычай пошел, на наш уклад, сдается нам!

Не станет нас, а кто ж тогда к исламу обратит свой взгляд?
Всего дней пять пройдет—и вот увиает этот пышный сад!
И новшества войдут в ислам, и все, что свято загрязнят.

Не понимая нас, бредешь ты наугад, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

Ты ожил, ты повеселел, глаза горят, сдается нам,
Бездельник с книгою тебе и друг, и брат, сдается нам.
Любые сплетники к тебе гурьбой спешат, сдается нам!

Послушай, прекрати свой срам,
Исправь свою ошибку сам!
Не то анафемой тебя
Придется опозорить нам!

НЕ НАЙДЕШЬ

Достоинство нации—где оно? Нет, не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед,—не найдешь!

Ах, мало, что всякий любитель свобод пробужден,—
Смотрите: и склочник—ученый урод—пробужден!
Бесстыжих газетчиков мерзостный сброд пробужден!
Под кличкой поэта злодей-рифмоплет пробужден,—
Иными словами, источник невзгод пробужден!
Я думал: к чертям, что для мысли народ пробужден!
Но прах мне на голову: купчик—и тот пробужден!

Суются во все! Справедливости свет?—Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед,—не найдешь!

У нации этой был старый прекрасный завет:
Когда покидала душа мусульманина свет,
То прежде, чем будет омыт он и в саван одет,
Лежал он в тиши, уважаем, ничем не задет.
За чтеньем корана над ним мы встречали рассвет.
Глава отзывчала—мы рубль получаем в ответ:
И нам—уваженье, и мертвый, как надо, отпет!

О, где ты теперь, уваженье? Хоть след?—Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед,—не найдешь!

Совсем изменились характеры наших купцов,
Как будто и вправду проверили каждый наш зов.
Уж нет приношений, стоим у оставшихся котлов:
Ни доли—молле! Ну, хотя бы какой-нибудь плов!
Хотя бы кусочек халвы! Но и тот не готов!

Хоть много уловок мы знаем, но—жалок улов!
Ах, ах, всемогущий, где благо минувших деньков?
Иль мы согрешили? И счастья тех лет не найдешь?
Порядка, что чтили отец мой и дед,—не найдешь!

Когда собирался в святые места богомол,
К творящим молитву всегда за советом он шел.
Он думал о богое, а мы—чтоб сундук был тяжел!
Узрев, изреченьем его мы спасали от зол,
Мол, нужно, чтоб деньги лишь чистые он приобрел
Для этой дороги,—то было полезно для молл!
Как жаль, что чалма не в почете и посох отцвел!
У всех—единенье! Кто верой согрет—не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед,—не найдешь!

О, если бы в будущем новых не ведать нам бед!
Боюсь, что и эта надежда сведется на нет!
Проснется народ—и увидят глаза его свет!
И он разберется, где вправду молитва, где бред,
Где предан забвению торжественно данный обет,—
Наложит на взятки, на все подношенья—запрет!
Не почесть, а ненависть—нам и навстречу, и вслед!
И скажут: молла, где роскошный обед? Не найдешь!
Долма? И терек? И фирни? И шербет? Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед,—не найдешь!

СЛАДКИЙ РАЗГОВОР

—Что нового, эй, мешади?

—Да ничего...

—Не может быть!

—Гаджи-Ахмед газету нес...

—Посмел такую дрянь купить?

Ты видел сам?

—Нет, мой сосед с другим соседом говорил...

—Аллах, об этаком грехе, скажи, возможно ли забыть?

Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!

Он отрицает веру! Он—злодей! Безбожник! Еретик!

—А что же нового еще?

—Гаджи-Джафара сын, Вели.

Учиться сына отдаст...

—Беднягу в школу повели?

—Да повели...

—Ты видел сам?

—Я слышал где-то разговор...

—Аллах, подобному всю жизнь терпеть лишенья повели!

Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!

Он отрицает веру! Он—злодей! Безбожник! Еретик!

—А что еще?

—Ах, да! Кафар... чуть не забыл о нем совсем!

—Какой Кафар?

—Отец Мирзы...

—Ах, знаю! Говори,—я нем!

—Кафар беседовал вчера с одним сомнительным лицом!

—Но от кого же ты слыхал?

—От мужа тетки Хансенем!

Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!

Он отрицает веру! Он—злодей! Безбожник! Еретик!
—Постой, а больше ничего?
—Послушай, наш сосед Керим...
—Ага, тот самый!..
—Да, да, да!
—Давай о нем поговорим!
—С «Моллою-Насреддином» он вчера до полночи сидел!
—Весь край гляурами кишит, лишь для меня он стал незрим!
Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!
Он отрицает веру! Он—злодей! Безбожник! Еретик!
—А я слыхал: свой дом и двор кому-то продает Самед,
Чтоб брата своего послать учиться в университет!
—Да, это верно! Только знать обязан ты еще и то,
Что волосы он удлинил и жить не может без «штиблет»!
Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!
Он отрицает веру! Он—злодей! Безбожник! Еретик!
—Еще рассказывали мне, что ваш Кебле-Ашур всегда
Бывает с теми, кто твердит о новой школе без стыда!
—Да, люди правду говорят!
—Как жаль: несчастный так богат!
—Он состоянием сбит с пути! Он бога позабыл, да, да!
Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!
Он отрицает веру! Он—злодей! Безбожник! Еретик!
—А это правда, что Бадал...
—Да, да! И это не обман!
Моллу словами он задел и, говорили мне, коран!
—Да, он от веры отошел, пророка он забыл совсем!
—А как неверный растолстел! Поверь, не хуже, чем кабан!
Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!
Он отрицает веру! Он—злодей! Безбожник! Еретик!
—А этот негодяй Джеби! Он враг религии вдвойне!
Не хочет почитать меня и сеет сплетки обо мне!
—Да это верно! И за то я обругал его жену!
—Исполнив долг, ты поддержал мое достоинство вполне!
О, я за все, за все воздам ему, и детям, и жене!
При всем народе, при родне
Я буду жечь его в огне!
Я буду проклинать его
И днем, и в полночь, и во сне!
Скажу народу: он—злодей! Проклятье! Грех его велик!
Вы все должны его проклясть! Ведь он... безбожник! Еретик!

НИЩЕТА

Не хнычь, не рыдай, уйди от дверей, нищета!
Не вой, как сова, умолкни скорей, нищета!

Хоть бедным помочь мы все собрались за столом,
И множеством блюд украсили мы этот дом,
Хоть право твое отведать от благ признаем,—
Но есть ли права адатов мудрей, нищета?
Не хнычь, не рыдай, уйди от дверей, нищета!

У нас, богачей, всегда на уме—кутежи!
Агалар, и бек навещают нас, и гаджи,
Все почтенные и высокие тут мужи!
Кто из них не толст, не богат, не чист—укажи!
Не гляди ж на пир, посильней глаза завяжи!

У кухни моей не стой, не зверей, нищета!
Не хнычь, не рыдай, уйди от дверей, нищета!

Беда ли, скажи, что гонят тебя за порог?
Что голод жену и деток твоих подстерег?
Что в руку твою не деньги летят,—ветерок?
Ну, что ж ты шумишь? Уймись, присмирай, нищета!
Не хнычь, не рыдай, уйди от дверей, нищета!

Зачем богачу, чтоб щедрость свою показать,
Тебя угощать, о, жалкая голь, а не знать?
Ох, должен аллах за дерзость тебя наказать!
Отстань и пойми: не стать нам добрей, нищета!
Не хнычь, не рыдай, уйди от дверей, нищета!

Пойми, наконец, что раз ты в беде,—ты бедняк!
Твой рот не привык к дворянской еде: ты бедняк!
И счастья вовек не сыщешь нигде ты, бедняк!

Коль нечего есть,—в могилу быстрей, нищета!
Не хнычь, не рыдай, уйди от дверей, нищета!

Нет, не может быть к богачам близка нищета!
Как ты там ни хнычь, богачу бедняк—не чета!
Никогда для нас не была людьми беднота!

Чем к равенству звать, сперва раздобрей, нищета!
Не хнычь! Не рыдай! Уйди от дверей, нищета!

ОТШЕЛЬНИКУ

Закрыв глаза, открай в молитвах рот,
Не принимая смысла их в расчет!

Ты с любопытством не гляди на мир,
Где яркий свет над истиной встает!

Тот не постигнет таинства любви,
Кто лицемерные поклоны бьет.

В плену молитв не отрицай любви:
Кто любит, к божеству все ближе тот.

Меджнуном Гейса зря не называй,
Пока лицо Лейли не промелькнет!

О, не сиди, мужчина, в уголке,
В нем ожидая истины восход!

Стремишься к милой?—покажу, иди!
Глаза открыты?—вот родная, вот!

Ты видишь совершенство? Восхвалить
Оно уменье мастера зовет!

Но где тебе иметь правдивый глаз,
Чтоб видеть красоты земной оплот?

Чтоб с воплями по селам ты бродил,
Моленья не свершив ни разу в год!

Чтоб ты в проклятьях подражал певцу,
С его стихами уходя вперед!

НЕ ПУЩУ!

В школу? Сына? Ерунда! Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Хоть над книгами сидит мой сынок по целым дням,
Хоть несчастный мальчуган так и рвется в школу сам,
Но, по-моему, гяур тянет нас к таким делам!
Для религии—беда! Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Он еще совсем дитя—трудно ль обмануть таких?
Всей бесплодности наук он не понял, юн и тих!
Он еще хороших слов не отделит от пустых!

Губят юные годы!.. Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Мне ни капельки не жаль, что от слез он похудел!
Старший брат его—кочи! Вот пример хороших дел!
Пусть умрет,—не допущу, чтоб мой сын картуз надел!
Дать его гяурам? Да? Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Слушайте! Ведь сын-то мой! Что ж печетесь вы о нем?
Это кто ж назначил вас надо мной опекуном?
Нет мы веру задевать вслед за вами не начнем!
Нет, не стоят и труда! Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Предоставьте сына мне—он во всем пойдет в меня,
И беспечно проживет, ремесло мое ценя!
Мие алим вчера сказал:—Будь подальше от огня!

Отдавать его туда? Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Убирайтесь к чорту! Вон! Сколько длится ваш обман?
Вот уже пять лет, как вы оскверняете коран!
На гяура стал похож мой любимый мальчуган!
Ясио! Сгиньте ж без следа! Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Нет, безбожникам не взять пламя сердца моего!
Пусть в могилу сын идет, но не в школу путь его!
Что о школе говорить? Бредни!—больше ничего!
Лучше—вечная нужда! Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Хватит сыну и того, что имеет он сейчас!
Лучше смерть его, чем смех видеть мне еще раз!
Если сын мой не сожжет разных мыслей, слов и фраз,—
Упадет его звезда!.. Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!

Согласиться? Нет, вовек не войду в неверный стан,
Чтобы сына погубил ваш бессмысленный обман!
О, предатели, враги настоящих мусульман!
Ждите божьего суда! Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пущу!
Это же для нас беда! Отвяжитесь! Не пущу!

ПРИМИРИСЬ!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!
Покраснел перед семьей? Вновь и снова—примирись!

Стал ты пленником забот—покорись навеки им!
Не старайся, не трудись, волю дай слезам своим!
Против бога не пойдешь—преклонись перед благим!
Мусульманином ты будь, а не кем-нибудь другим!
Хочешь благ? Они придут! Помни слово: примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Жизнь твоя тебе горька? С горем дружбу ты сведи!
Брось надежды, будь ленив, пустоту храни в груди!
Перед волею судьбы голову склонив, ходи!
На взлетевшего в простор ты без зависти гляди:
Он, неверный, не постиг смысла зова: примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Угнетатель гнет тебя—думай: это злобный рок.
Повелитель бьет тебя—думай: так велел пророк.
За бессилье—не к себе, отнеси к другим упрек:
Верь, что ближний иль чужой на нужду тебя обрек!
Не отвергни ни того, ни другого—примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Станет слишком тяжело—плач, хоть нам противно, плачь!
Средств иных и не ищи—только непрерывно плачь!
Ты от мира откажись—жалобно, призываю плачь!
Мыслям завяжи глаза—долго, неизбывно плачь!
Плюнь на гордость и на честь! Честь слепого—примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Вздумал сделать что-нибудь—сделай, как велит ислам!
Зло помещика сноси, уподобившись ослам!

Сей, коси, а толстый бек с хлебом справится и сам!

О правах своих не знай, спи, доверься небесам!

Спи, не мучься, не вставай против злого,—примирись!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

На гяуров не гляди, совершай без них свой путь!

Выбирай полегче труд, о канонах не забудь!

Добывая детям хлеб, услаждай молитвой груды!

Чтоб души не омрачать, ты чернорабочим будь!

Деньги бек забрал твои? Ты без кровя? Примирись!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Если ж сила в теле есть и крепка твоя рука,

Без стыда лицо твое, зло не сходит с языка,—

С болью, горем и нуждой ты кончай наверняка!

Есть на свете ремесло, славное во все века:

Бей—бери! Громи—бери! Режь без слова! Возгордись!

Ни седого не щади, ни грудного! Возгордись!

Обнял злого—возгордись!

Смял родного—возгордись!

Что там совесть? Что там честь?

Вновь и снова—возгордись!

ПОЧЕМУ Я НЕ СОЧУВСТВУЮ ШКОЛЕ

Сочувствовать школе? Ну, что за народ?
Доход не растет, не растет, не растет!

В глазах твоих ужас, газетчик, возник:
Ты ей посвятил и перо, и язык!
Я ж верное слово скажу напрямик:
Не вижу я пользы от этих забот —
Доход не растет, не растет, не растет!

Наслышатся в школе: «Свобода! Права!»
И станут ценить в год из года права!
Ахунду ж противны народа права!
Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет? —
Доход не растет, не растет, не растет!

Мне пользы от школы совсем не видать —
Проклясть мы такую должны благодать!
И всем это ясно! О чем рассуждать?
Не вижу я пользы от этих забот:
Доход не растет, не растет, не растет!

Начнут эти дети учиться сейчас,
Получат бесчисленных знаний запас,
А после, конечно, возьмутся за нас!
Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет? —
Доход не растет, не растет, не растет!

Но если бы школьное дело тишком
Доверили в руки мои целиком?
О, я дорожил бы подобным куском!

Теперь же—что толку от этих забот?
Доход не растет, не растет!

Ах, старое время, благие дела!
Из каждого дома мне доля была:
Плов, масло, и сахар, и чай, и... хвала!
Что делать? Исчезли и хлеб, и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

Теперь, вообще, мы попали в беду:
И трех приношений не видим в году!
Мы рады терпеть и такую нужду,
Но что же? Исчезли и хлеб, и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

Проводят собранья у нас без числа,
На нескольких фразах кончают дела,
А слава ахунда куда-то ушла!
Что делать? Исчезли и хлеб, и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

МЫ И ДРУГИЕ

Эпоха с нами говорит, а мы—молчок.
Под грохот пушек мы поспим еще часок!
Для иностранца пустяки—аэроплан,
А мы глядим: автомобиль—и наутек!

Зарыты в землю мы давно людьми киблы,
А у людей земли—не птиц!—полет высок.

БУКЕТ ЦВЕТОВ

Иранец говорит: я правде рад всегда.
Османец: мой народ свободе брат всегда.
А проповедник что?—Пусть оба пропадут,
Лишь был бы я один сыт и богат всегда!

Барышник, он всегда купить-продать готов:
Посредник торгашу подмогу дать готов.
А вот молла—поспать, вскочить, свершить намаз,
Зацапать, обдурить, обворовать готов!

Журналы вышли в свет—чтоб их читал народ,
Чтоб из статей себе примеры брал народ.
Что ж мыслит тот, кто был по-русски обучен?
— Они нужны, чтоб их лишь черный знал народ!

Не думай, что в мечеть, свершать намаз спешит,—
Нет, проповедник мой не с тем как раз спешит:
Он продал седжаду, что своровал вчера,
И вот он за другой туда сейчас спешит!

АЙ ДЖАН, АЙ ДЖАН!

Все газеты до одной не в цене, ай джан, ай джан!
Наконец-то, заживем в тишине, ай джан, ай джан!

От злодеев мы укрыть волосочка не могли,
Из-за подлых нам пришлось быть посмешищем земли,—
Браво! Сами унялись! С чем явились—с тем ушли!

Без труда изгнали труд мы в стране, ай джан, ай джан!
Все газеты до одной не в цене, ай джан, ай джан!

Ветер, спой:—Молла Гавам, нету дряни,—мы живем!
Чтоб узнал молла Салам в Ленкорани: мы живем!
И послал невеждам весть:—Гибель браны! Мы живем!
Пой в мечети и пляши! Враг—в огне! Ай джан, ай джан!
Все газеты до одной не в цене, ай джан, ай джан!

С великом торжестве ты в Кавкае об'яви:
Нет журналов и газет! Всех к молитве призови!
Есть один теперь закон: как надумал—так живи!
Мы свободны наяву и во сне, ай джан, ай джан!
Все газеты до одной не в цене, ай джан, ай джан!

Ты молле гаджи Баба, что в Кубе, скажи: хвала!
Нет газет! Холера их без пощады унесла!
Эй, мюриды, все сюда! Чья душа не весела?
Кто от радости такой в стороне? Ай джан, ай джан!
Все газеты до одной не в цене, ай джан, ай джан!

Нет газетчиков! Простор, о собратья,—только нам!
Скоро пост—и весь доход, без из'ятья, только нам!
На минбаре и хвала, и проклятья—только нам!
Насладимся, наконец, мы вполне, ай джан, ай джан!
Все газеты до одной не в цене, ай джан, ай джан!

КУРБАН-БАЙРАМ

У толстопузого байрам—ай, байрам!
У бревношего баран—ай, баран!
А миллионщик потерял... счет пирам!
У них обряд, Халилуллах, в честь тебя!
А бедняки вонят, аллах, в честь тебя!

Соседи—вышли, как всегда, на порог.
У них и нация одна, и пророк.
Но бог на разную судьбу их обрек:
Один богат, Халилуллах, в честь тебя,
Другой—во тьме заплат, аллах, в честь тебя!

Сын одного идет гулять—разодет!
На нем лишь галстук удивит целый свет!
Отца в испытование призвал пустоцвет,
Глаза блестят, Халилуллах, в честь тебя!
А бедный без деньжат, аллах, в честь тебя!

Смотри, смотри, Гаджи-Пирин к нам идет,
Не даст и кости никому живоглот!
Сосед-бедняга с пальца грязь лишь сосет!
Гаджи пузат, Халилуллах, в честь тебя!
Распухнет он стократ, аллах, в честь тебя!

— Гаджи,—сказал я,—хоть одно загадай:
Куда по смерти попадет скупердяй?
Бараны шкуры школярам ты отдан:

Согрей ребят (Халилullaх, в честь тебя!),
Зимой они дрожат, аллах, в честь тебя!

— Приметы нет,—Гаджи в ответ молвил тут, —
Отдам, а женщины начнут пересуд:
Во что тогда они квашню завернут?
Отдать я рад, Халилullaх, в честь тебя,
Но пусть в дому лежат, аллах, в честь тебя!

МОЯ ДУША

О, сокол стремлений, душа моя, вдаль,
Как дума моя, воспаря, унесись!
Лети, поднимайся в бескрайнюю высь,
А в теле моем обитаёт печаль!

В обители этой ты будешь пылать,
Поверь, ты для муки останешься в ней:
Не сможешь избыть ты печали моей —
И, нежная, станешь сама горевать.

Покинь это тело! Ведь это не я!
Тебе не под силу разлука со мной?
Но ты — это я, только облик иной,
Но я — это ты! Ты навеки моя!

Уйдешь ты — уйду я с тобой заодно!
Мы пленники в немощном теле, увы.
Враги! Мой смерти не радуйтесь вы:
Покуда есть мир, мне пропасть не дано!

Мы счастья, душа, на земле не нашли!
Скорее же в мир неизведанный тот,
Где сын человека забвенье найдет,
Лишь в землю опустится горстью земли!

Когда я уйду — ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя заря!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода — красавица, вечно живи!

1911

ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
МЕМДЕЛИ В ЕВРОПЕ

М е м д е л и.

Сжалься надо мной, мадмазель!
В сердце страшный зной, мадмазель!
Я еще в Одессе мечтал
О тебе одной, мадмазель!
Нетерпенье шаха пойми:
Скрыть тревоги след я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

Д е в у ш к а.

Убирайся вон, Мемдели!
Весь в крови твой трон, Мемдели!
Не могу я видеть тебя,
Слыша бедных стон, Мемдели!
Потопил Иран ты в крови!
Я грозы тех лет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

М е м д е л и.

Я грознее туч был для них!
Как судьба, могуч был для них!
Окруженный славой, богат,
Я, как божий луч, был для них!
Не забыл Иран обо мне!
Видеть славы свет я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

Д е в у ш к а.

Ты—забытый всеми подлец,
Твой давно растоптан венец!
Современный деспот Немруд,
Где твоим злодействам конец?
Я с тобой, презренный стократ,
Изумлять весь свет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

М е м д е л и.

О, не думай ты, что Иран
Превратился весь в чуждый стан!
Кликну—волки-слуги сейчас
Отвоюют мне Тегеран!
Растерзать народ-баранту,
Дать на все ответ я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

Д е в у ш к а.

Ты, пожалуй, прав, Мемдели,
Но часы иные пришли!
Не погибла честь! Берегись
Ты сынов иранской земли!
Не свершишь ты подлых затей!
Буйствуя, пустоцвет,—не хочу!
Слушать мерзкий бред не хочу!
Ты судьбой отпет,—не хочу!
Гнить за низким вслед не хочу!
И отстань ты раз навсегда!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

СОН

О, Плут, о, приятель порочных людей!
«Будь сон твой к добру!»—пожелай поскорей

Мне снилось, хочу я тебе рассказать,
Как-будто в Баку я вернулся опять.

На дальней окраине где-то живу,
Гуляю по улицам, как наяву.

С тех пор, как подлунная наша стоит,
Имели они ужасающий вид!

Теперь же, о, радость, нарядны они,
Повсюду фонарные блещут огни.

Бывало, идешь—никого на пути!
Теперь же почти невозможно пройти.

Особенно людно у входов в дома.
(Причину узнать любопытно весьма!)

Тут всякие лица—повериши, не счести!
И важного рода и с именем есть.

Стучатся к любому, беседы ведут,
С иными поближе знакомятся тут.

Берут заверенья, вручают деньжат,
Прощаясь, чувствительно благодарят.

Одним—приглушить обищанье дают,
Другим—без конца обещанья дают.

Мне очень хотелось понять как-нибудь
Той купли-продажи загадочной суть!

Но слишком я был удивлен, потрясен,—
Увы, я проснулся... О, вешний мой сон!

О, плут,—ты догадлив и мудр,—об'ясни:
Те улицы, лица—что значит они?

Мудрец, растолкуй ты, как следует, мне,
Откуда подобное чудо во сне?

Низедар.

ТОЛКОВАНИЕ СНА

Твой сон, Низедар, интересен и нов
И я об'яснить его тут же готов.

То гласные снились—сомненья гони!
И улицы так разубрали—они!

Сбирают они голоса по ночам.
Не глуп—в остальном разберешься ты сам!

ПРОСЬБА АЗРАИЛА

Азраил сказал творцу: «О, творец земли, внемли!
Некий врач в подлунной есть, с ним пришел конец земли.

Лишь по знаку моему отойдет один больной —
Тысячу здоровых он сводит с вечной тишиной.

Если этот врач вот так будет действовать и впредь,
Из твоих рабов никто не сумеет уцелеть.

Разреши мне, о, творец, злой души лишить его,
А не то — погубит он всех людей, до одного!

Если эту просьбу ты не приемлешь в вышине,
То, благой, не откажи ниспослать отставку мне.

Ты любую должность дай — я без слова полечу,
Но, премудрый, повели Азраилом быть врачу!»

ОТЧЕГО ПОГИБ ИРАН

Коль плачет муж, из глаз и честь его течет!
Иран, и ты в слезах—как муж бесчестный тот!

Когда трусливый шах бежал, оставив трон,
А следом унеслись и тысячи господ,

И вдруг во всей красе у власти стал меджлис,—
Мы думали: Иран самим собой встает!

Мы думали: вручен избранникам Иран,
И нам отраден был достоинства приход.

Казалось: наконец, дела пошли на лад,
И не один недуг залечится, пройдет.

Но посмотри: пока мы верили в расцвет,
Каким событиям настал у нас черед!

Все проходимцы вдруг взялись руководить,—
И первый встречный—вождь, и к цели вас ведет!

И вот уже меджлис в кофейню превращен —
Возвышенный итог их рвенья и хлопот!

Течет рекою чай, дымится жирный плов,
Потом—кальян в зубах, а там—и сон придет!

Голубчики мои, ведь это же меджлис!
Кто ж к правде здесь призвал? Кто требовал свобод?

Какой вопрос большой меджлисом обсужден?
Каким решеньем здесь обрадован народ?

Нет, нет, почтенный, нет, не заблуждайся, друг,
Что дело у таких по совести идет!

Да, правда, в некий миг Иран познал добра:
Свободы дивный луч украсил небосвод!

К народу перешли народные дела
И мнилось, что вопрос мы разрешим вот-вот!

Ну, а теперь, скажи, возможность эта есть?
Свои дела Иран в порядок приведет?

А знаешь, ведь любой из главарей страны
Хотел придать делам достойный оборот!

Но вся беда лишь в том, что у обретших власть
От радости слеза потоком горнем бьет!

Сперва всплакнул один, а вслед за ним и все!
Слепцы же громкий смех пустили тотчас в ход!

И дело, как мертвец, теперь в кругу лежит,
Лежит—и уж никто к нему не подойдет!

Да, то, что всех влекло, забыто, отошло, —
Все—в лапах личных дел и мелочных забот!

Арену увидав свободной от людей,
Единственную цель признал делец: доход!

И каждый захотел в сановники попасть:
Кто титул раздобыл, тот знатным и слывет.

Любым путем они втираются в меджлис,
Чтоб «просвещенным» стать, снискать себе почет.

О, сколько, сколько их, чей титул слишком свеж:
Тот беком стал, а тот по-хански речь ведет.

Арену заняли мужи—счастливцы, знать,
Все те, кто сам взлетел и свой возвышил род.

О деле помолчи! Ведь я уже сказал,
Что дело, как мертвец, лишь погребенья ждет.

И «Эй, ханехараб!»—никто не крикнул им:
Совсем страну с землей сравнял круговорот!

Вас к титулам влечет властительница-страсть,
Но честный человек не титулом живет!

И ты хоть Самом будь, хоть Нариманом стань,
Но титулу не быть основой дел, работ!

От человека ждут лишь дел и только дел,
И в мире славен тот, кто жизнь им отдает!

Скажи теперь, какой преграды больше нет,
Мешающей итти стране твоей вперед?

Лишь кузница одна, где титулы куют,
Сжигая все дела, греметь не устает!

Ты ль спросишь, отчего погиб, исчез Иран, —
Когда ты понял суть вопроса и исход?

ПОСТЫДИСЬ

Не тверди ты без конца, что ты знатен и богат,
Слышишь, эй!
Что имеешь в сундуках не один миллион деньжат,—
Стой, не смей!
Что, гаджи и мешади, ты от громкой славы пьян,
Стыд имей!
Что, почетом окружен, ты благочестив и свят,—
Всюду зван,
Что еще ты кербалай, что у ног твоих кальян.
А в руках твоих коран!
Ладно: ты—благочестив, набожен и чист во всем,
Стал святым!
Дом до крыши ты набил удивительным добром,
Дорогим!
На меху пальто твое, роскошь, красота кругом!
Как же! Чтим!
Комнаты! Балкон! А двор! Твой просторный, светлый двор
Тешит взор!
Жирный плов и фисинджан—все, что сердцу надо, есть!
И шербет—услада есть!
Но в соседстве—снег, буран, жертвы снегопада есть,
Стон людей!
Плач голодных и нагих, пир для злого взгляда есть!
Не лютей!
Ты ж повсюду шаряш прославляешь с давних пор—
О, позор!
Помощь бедным—это ж часть твоего уклада есть,
Мусульман отрада есть!
Будь же совестлив, святой!
Голову свою открай
И, проветрив, не тверди
О религии пустой!

НОВРУЗ

Хвала аллаху, вот опять счастливый день у нас:
Пришел Новруз—и старше мы на целый год как раз!
Хоть нам среди древнейших стран и мало лет как раз,
Два новых года вместе с тем в одном году у нас:

Ты с детства отмечал Новруз и Магеррам, старик.
С одним—прекрасно, а с другим—печально нам, старик!

Мы издавна в одном году два года признаем:
В одном—всего одна луна, одиннадцать—в другом.
Одininадцать прискорбных лун в слезах мы топим дом,
Луна веселья—и кишмиш мы, чмокая, жуем.

Нам этот праздник почитать велит ислам, старик.
От Зороастра перешел он к нашим дням, старик.

Новруз—и мы поем, орем, и каждый разодет,
Сойдемся душ по пятьдесят—и по гостям чуть свет!
Мы, в дом любой влетев гурьбой и прошумев привет,
Пьем чай с конфетами, едим,—нам вовсе дела нет,
Что вся хозяйская казна равна грошам, старик.
Обычай—влезть под праздник в долг, ты знаешь сам,
старик.

Когда арабы нашу рать разбили в оны дни,
От нашей древней веры прах оставили они.
И мы обычаем не чтим, что чтили искони,
Лишь этот благодатный день поныне нам сродни.

Ведь это очень нужно нам, так нужно нам, старик.
И разве мало зла чинил нам твой байрам, старик?

Но в этом празднике у нас и недостаток есть!

Без даты

РАЗГОВОР ДВЕНАДЦАТИ

Адвокат.

Я, называя зло добром, грехами многими оброс.

Врач.

Мое лечение принесло родне больных немало слез.

Купец.

Я всех искусствей был во лжи, я даже в правду ложь привнес.

Розехан.

Брав деньги с ближних, я вселял в них горе до корней волос.

Дервиш.

Я всюду открывал базар: сбывал я бредиш, гол и бос.

София.

Доверчивых я с толку сбил, крича об истине всерьез.

Молла.

В день издавая по фитве, я в них свободный дух разнес.

Назука.

В них разуверясь, я слегла и смял цветы мои мороз.

Невежество.

Я пировало—и мои надежды всякий превознес.

Поэт.

Я только сказки сочинял про соловья в об'ятьях роз.

Невежда.

Когда всей мудрости испил, я к темноте совсем прирос.

Редактор.

Чтоб не зиял газетный лист, я скучный удлинял вопрос.

МАЛЕНЬКАЯ СЦЕНКА

Когда весть о свободе дошла до иранского крестьянина, тот, пав среди пашни на колени, воскликнул:

Наконец-то, свет всем народам дан,
И свободу вдруг получил Иран!
Власть плетей теперь сметена совсем,
И сметен ее старшина совсем.
Не горит свеча векового зла —
И моя страна снова в рай пришла!
Не минет теперь наша знать беды,
Беднякам теперь не узнать беды!
И никем, батрак, ты не будешь бит,
Не потерпишь зря никаких обид!
Нет, богач на нас не поднимет рук,
Не познаем мы нестерпимых мук!

Но не успел несчастный до конца излить свою радость, как появился вездесущий наемник иранских властителей — фарраш. На глазах у изумленной семьи скрутив беднягу веревкой, фарраш погнал его ко двору помещика.

Весь красный от гнева, помещик выскочил на порог с криком:

Целый месяц, вот, как поля пусты, —
Где же, где, скажи, пропадаешь ты?
Урожай собрал — и к себе домой?
А помещик — что ж, выходи с сумой?
Обобрал баштан — и к себе опять!
Ну, а мне, скажи, ты обязан дать?
Где пшеница? А? Где ячмень, ответь?!
Про фасоль-горох пусть расспросит плеть!

Наказать тебя мы должны сейчас,
Чтобы всех крестьян проучить как раз!

Дрожа всем телом, крестьянин поклонился помещику в пояс, и робко попытался оправдаться:

Видит сам аллах, как несчастен я:
На моих плечах вся моя семья!
Я ращу своих малышей-ребят,
Просят есть они—целый день вопят.
В довершение всей, господин, беды
Этим летом я не имел воды.
Весь мой труд сгорел, под землей исчез,
Доходил мой стон до семи небес!
Все мы голодны—ты же знаешь сам,
Даже черствый хлеб был бы в радость нам.

Услышав это, помещик окончательно рассвирепел. С глазами, чуть не вышедшими из орбит, и с пеной у рта он приказал:

— Эй, приготовьте розги! Разведите костер!.. Накалите железные прутья!

Четыре палача только того и ждали. Налетев на поникшего пахаря, они связали ему еще и ноги, ударом кулака повалили наземь и приступили к выполнению приказа.

Помещик.

Эй, давай сильней за ячмень пригрей!

Крестьянин.

Чем такая боль, лучше б смерть скорей!

Помещик.

Бейте! Только что я вина вкусили!

Крестьянин.

Я умру... умру... я совсем без сил...

Помещик.

Бейте! Масла мне не принес, злодей!

Крестьянин.

Бескоровный я... пощади... не бей...

Помещик.

Это все—межлис! Непокорный дух!

Крестьянин.

Вы сожрали все! Стая жадных мух!

Помещик.

От свободы их это все идет!

Крестьянин.

Нет, замучил нас беспредельный гнет!

Помещик.

Конституция!.. Растопчите впрах!..

Крестьянин.

Помоги скорей!.. помоги, аллах!..

Будь же проклят ваш ненавистный род!

Стихи для детей

МУРАВЕЙ

Видали раз, как малый муравей
Большую муху по камням тащил.
Сказали: как для ноши для такой
Хватает слабых муравьиных сил?
Ответили: тут не в размерах суть.
Основа силы—труд, стремленье, пыл.
О, сын мой! Будь подобен муравью:
В усердье он великое совершил!
Ты не считай в заслугу легкий труд:
Кто мало сделал—мало заслужил!
Нет, славен тот, кто, все преодолев,
В большое дело жизнь свою вложил.
Сметает горы мужество людей —
Хочу, чтоб мужем ты на свете жил!
Чтоб для народа шел ты впереди,
В сознаньи долга высшего служил.
Трудись, борись за родину свою,
Покуда кровь не вытечет из жил.
Умри, чтоб имя—это ли не честь? —
Родной народ в сказаньях оживил!

ЛЖИВЫЙ ЧОБАН

Один чобан на помощь звал в горах:
— Ой, волки! Ой! Скорее на яйлаг!

Сельчане в горы с палками спешат,
Чтоб уберечь овечек и ягнят.

Увидя, как бегут они, скользя
Над пропастью, чобан сказал:—Друзья!

Все стадо цело да и сам я цел:
Я просто с вами пошутить хотел.

Ушли сельчане. А чобан опять
Однажды в полдень стал с горы кричать:

— Спасите! Волки!..—и опять сельчан,
Потехи ради, обманул чобан.

Но вот и впрямь, оскалив хищно пасть,
Решили волки на овец напасть.

И сколько ни кричал, ни звал чобан,
Все думали, что снова ждет обман!

Никто ему не захотел помочь,
И люди молча уходили прочь.

А волки разодрали всех овец...
Итак, мой сын! Вот повести конец:

Когда в народе лживым прослышеши,
Тогда и правду все сочтут за ложь.

Не лги вовеки! Ведь родной народ
Лгунов и за сынов не признает!

И не для них любовь его, хвала.
У лживого и дом сгорит до тла!

НАХОДКА

Мальчишка второпях вбегает в дом
И матери кричит, дыша с трудом:

— Ах, мама, вот! Скорее получи!
Мы счастливы теперь! Мы богачи!

А мать в ответ:—Но как же вышло, сын,
Что мы разбогатели в миг один?

Скажи скорее, что в твоей руке?
—Богатство наше в этом кошельке!

На улице какой-то старичек
Бдруг уронил вот этот кошелек.

Тут потихоньку я его схватил
И побежал домой, что было сил!..

Уразумев поступок сына, мать
Не стала гнева своего скрывать:

— Откуда кровь такая у тебя?
Да есть ли честь людская у тебя?

Невинный мальчик, что ты совершил?
Свою ты совесть этим омрачил!

Ты истину отверг из-за чего?
Как ты посмел пойти на воровство?

Не верю я, что мы с чужим добром
Возьмёмся, богато заживем!

Нет, нет, мой сын! Несчастны будем мы,
В глаза глядеть не сможем людям мы!

Окажешься преступником—и что ж?
Достоинство свое продашь за гроши!

В деньгах немало блага есть, мой сын.
Но нам всего дороже честь, мой сын!

БОЛЬНОЙ КРЕСТЬЯНИН

Один крестьянин тяжко занемог —
И дни и ночи только: ох да ох!

Поговорить с больным зашел сосед,
Исполнить долг пред ним зашел сосед.

Спросил:—Чего, сосед, ты хочешь есть?
К чему, мол, у больного склонность есть?

Тот отвечал:—Мне плохо. А в беде
Я не могу и думать о еде.

— А сливы? Ты бы не поел их? Сливы!
Янтарно-желтых, вкусных, спелых сливы!

Тот простонал:—Ах, как поел бы я!
Я б от души благодарил тебя!

Сосед сказал:—Теперь не лето—да?
Вот перетерпим зиму, а тогда...

— Страшусь конца недели этой ждать, —
Сказал больной,—ну, где мне лета ждать?

Ох, скрутит смерть до той поры меня,
Сгниет и прах до радостного дня...

Мы так привыкли к случаям таким,
Мы сами часто схожи с тем больным.

Увидев наши нужды, богачи
К спасенью подбирают нам ключи.

— Поможем!—обещают,—наш народ
При нас, мол, никогда не пропадет!

Один, другой вступает в умный спор,
Вдруг денежный начать предложат сбор.

Но лишь на деньги прозвучит намек,—
Тут каждый благодетель—наутек!

Не время, мол, сейчас, как на беду,
Начнем уж лучше в будущем году!..

БУЙВОЛИЦА

Некто имел буйволицу. Удой
Он продавал, разбавляя водой.

Выпали как-то большие дожди.
В горе хозяин: доходов не жди!

Все наводненьем об'ято село —
Ох, буйволицу водой унесло!

Плачет хозяин:—Конец мне, конец!..
Сын же сказал:—Успокойся, отец!

Столько смешал с молоком ты воды,
Что, наконец, дождался и беды:

Эта вода разлилася в краю —
И унесла буйволицу твою!

В горе своем ты судьбу не кляни —
Сам ты накликал несчастные дни!

МОЛЛА-НАСРЕДДИН И ВОР

Шапку схватив у Моллы на ходу,
Вор убежал и укрылся в саду.

Что же Молла? Огорчен, омрачен,
Мчится не в сад, а на кладбище он.

Видя Моллу у печальных ворот,
Люди спросили, чего же он ждет?

— Шапку украл нечестивец мою —
Вот я без шапки теперь и стою.

— Что же ты медлишь? — ему говорят, —
Ведь убежал он, бессовестный, в сад!

Если ты в сад побежиши поскорей,
Выйдешь оттуда ты с шапкой своей.

Молвил: — Не знаю, найду ли в саду —
Здесь же его непременно найду!

ПАУК И ШЕЛКОПРЯД

В листве заметив шелкопряда вдруг,
Каким-то важным, гордым стал паук,

И говорит:—Ну, до чего ж ты, брат,
Ленив! Как вяло ткешь ты, брат!

Вот на меня взгляни: я ловок, спор —
В кратчайший срок я тку большой узор!

Достаточно лишь взгляда одного,
Чтоб оценил мое ты мастерство!

Тот выслушал и усмехнулся:—Что ж?
Ты много всяких занавесок ткешь,

Но от твоих изделий проку нет
И, может статься, есть немалый вред!

А я, хотя и не могу, как ты,
Другим служить примером быстроты,

Да только все сработанное мной
Высокой измеряется ценой:

И девушки—в плодах моих трудов,
И каждый мною обладать готов.

ДОКТОР И БОЛЬНОЙ

Однажды к врачу обратился больной:
«Ах, доктор, не знаю, что, милый, со мной!»

С утра нестерпимо болит мой живот!
Ой, ой, умираю! Спасите!» А тот

Прислушался к пульсу и молвил: «Отвесь
Без всяких утаек, что с'ел ты за снедь?»

Страдалец ответил: «Свидетель господь:
Я с'ел... подгоревшего... хлеба... ломоть...»

А больше, клянусь, я... не ел... ничего!»
Тут пристально доктор взглянул на него

И, капель в пипетку набравши глазных,
В глаза ему влить вознамерился их.

«Жив-вот!..—мой бедняга воскликнул, стоя,—
Вы, доктор, не поняли видно, мен-ня!»

Но доктор сказал: «Эх, чудак человек!
Когда бы не слабое зренье, вовек

Того ты не ел бы, что вредно для нас.
Давай же приступим к лечению глаз!»

ИСКЕНДЕР И НИЩИЙ

Под солнцем, у дороги, на камнях
Сидел один бездомный—нищ и наг.

Премного на него насело мух,
Томилось тело и томился дух.

Дорогой той, суров и величав,
Шел Искендер. Беднягу увидав,

Он сжалился:—О, пленник нищеты!
Скажи, нужду какую терпишь ты?

Я, царь царей, склонен к твоим словам:
Проси—и я чего захочешь дам!

— Мой шах,—промолвил нищий,—этим днем
Тебя прошу я только об одном:

Чтоб возвратить покой душе моей,
Вели ты мухам улететь скорей!

— Эх, человек! Могу ль прогнать я их?
Они же не из подданных моих!

Проси о чем-нибудь таком сейчас,
Что сразу разрешил бы мой приказ.

— Мой шах! Когда так немощен ты сам,
Не говори: «Чего захочешь дам».

Ведь муhi—что в глазах людей они?
Сословий всех людских слабей они!

И если ты, о шах, настолько слаб,—
То что с тебя возьму я, жалкий раб?

ОДЕЯЛО МОЛЛА-НАСРЕДДИНА

Уж полночь. И сон золотой не один
Увидел в постели Молла-Насреддин.

Вот так и смотрел бы до самого дня!
Вдруг слышит—на улице крики, возня.

Прикрывши себя одеялом, Молла
На улицу выбежал: что за дела?

Какие-то люди—взгляните на них! —
Ну, так вот и лезут одни на других!

Он двинулся к свалке, пытаясь узнать
Причину той драки, узнать и разнять.

Но вор в это время подкрался к Молле,
Сташил одеяло—и скрылся во мгле!

Молла, удрученный, вернулся домой,
И молча поник пред своею женой.

И просит жена:—Расскажи что-нибудь
Об уличной драке! Узнал ли ты суть?

— Мое одеяло рассорило их:
Как только убрали—раздор и утих.

СТАРЫЙ САДОВНИК

Шли по дороге юноши гурьбой
И вдруг ограду видят пред собой,

За нею—сад, в саду столетний дед
Стучит лопатой, немощен и сед.

Дрожащими руками старина
Какие-то сажает семена.

Смеясь, юнцы спросили:—А, старики!
В чем смысл твоих усилий, а, старики?

Сказал:—Я рою землю, чтоб она
Мне яблони взрастила семена.

Они опять:—А много ль проку в том?
Сегодня ты живешь, а как потом?

Когда созреет то, что сеешь ты?
Пока взойдет, сойти успеешь ты?

Оставь свой труд напрасный, отдохни:
Плодов не вкусишь ты ни в кои дни!

Старик в ответ:—Сажали и до нас,
И труд отцов мы хвалим всякий раз.

И вот, мы тоже труд свой отдаем
Для тех, кто завтра вспомнит нас добром.

О ТОРГОВЦЕ И ЕГО СЫНЕ

Гордилась лавченкой душа торговца,
Он сына держал при себе—молодца.

Но куплю-продажу вел странную он:
Любой покупатель им был ущемлен.

В чужие карманы он, правда, не лез,
Но в лавке царили обсчет и обвес.

Наследник повадку отца перенял,
Был так же со всеми учтив и лукав.

Однажды отец, не сказав ничего,
Ушел и оставил сынка одного.

Чудесная мысль осенила сынка:
«Невредно бы кассу почистить слегка!»

Он—в кассу рукой, а глазами—в порог.
И видит: отец возвратился не в срок!

Тот барсом метнулся к птенцу своему—
Весь мир покачнулся и рухнул во тьму!

Тут в лавку вошел покупатель-старик
И молвил:—Напрасен твой гнев, хоть велик!

Твое это семя плоды принесло,
Твои в нем уловки, твое ремесло.

Являть образец мы должны для ребят,
Они же на нас неотступно глядят;

Не сводят с дурного и с доброго глаз,
Всему обучаются дети у нас.

Будь честен—и в детях возвысится честь,
Будь чист, чтобы в них чистоту перенесть!

С П О Р

Однажды яблоня, сосна и дуб
Поспорили среди зеленых куп.

Дуб начал восхвалять свой мощный стан,
Кичиться, что он ростом великан:

— Гордиться могут мной и сад, и лес,
Я достаю макушкой до небес!

И так огромна тень моих ветвей,
Что даже горы могут скрыться в ней!

Толкают ветры, бури в грудь меня,
Но где им, немощным, согнуть меня!

Упрусь ногою, напрягусь плечом,
Пусть молния — и та мне ни почем!

А яблоня ответила ему:
— Твоя чванливость, сударь, ни к чему!

Ты хоть и наделен величиной,
Но как равняться толстяку со мной!

Ведь жолуди твои — ты извини! —
Пригодны в пищу только для свиньи.

Я ж пред людьми стою во всей красе:
И цвет мой, и плоды признали все!

Их запах, вкус родят восторг в сердцах,
И тонки стебли их, и сами—ах!

Сосна, услышав их, вступила в спор:
— Друзья мои, к чему весь этот вздор?

Подумайте, как голы вы зимой —
И спорить вы не станете со мной!

Я зелена весь век, я всякий час
Ношу наряд, похожий на атлас.

Я так нужна тому, кто строит дом,
Я дверью быть могу, бревном, крыльцом,

Я в стужу согреваю людям печь,
Я всех полезней—сколько ни перечь!

ВОРОНА И ЛИСИЦА

С кусочком сыру в клюве, сделав круг,
Ворона села на высокий сук.
Лиса, увидев это издали,
Вороне поклонилась до земли,
И с важностью на корточки присев,
Заговорила сладко, нараспев:
— О, госпожа, хвала тебе, хвала!
Ты так стройна на ветке, так мила!
Собой украсив этот скромный луг,
Ты столько счастья принесла мне вдруг!
Твой дивный лик дарит мне благодать, —
Позволь тебя царицей птиц назвать!
Твой шелковый наряд — как напоказ!
Твой стан — подальше от недобрых глаз!
Ах, чувствую, как тонок голос твой!
Ах, услади мой слух — скорее спой!
Восторг ворону бросил просто в жар,
Во весь свой рот она вскричала: — Каррр!
От крика чуть не обомлел весь мир,
Но — тотчас выскользнул из клюва сыр!
Рывком схватив его и быстро с'ев,
Лисичка вновь сказала нараспев:
— Когда бы в мире не было глупцов,
Переморил бы голод всех листецов!

К ДЕТЯМ

Дитя рождается у отца в дому,
Расти—в об'ятьях матери ему.

Отец идет работать каждый день,
Какой бы ни был труд—ему не лень.

Без отдыха, всегда неутомим,
Он ищет счастья малышам своим.

Всегда в поту, почти голодный сам,
Он добывает хлеб своим птенцам.

Всю ласку детям посвящает мать:
Дитя не спит—и мать не станет спать.

Бедняжка гонит сон от глаз рукой,
Чтоб дать ребенку своему покой.

Его оберегая, то и знай
Она качает люльку: баю-бай!

Ах, сколько в детстве горя и забот
Родителям любой из нас несет!

Мы, ныне заменяя их в пути,
Должны путем завещанным идти.

Спросив у них согласья каждый раз,
Получим мы полезный их наказ.

«Наш рай лежит у материнских ног» —
Священные слова мудрец изрек.

Должны мы истины рабами быть,
Должны послушными сынами быть!

Дитя, которое не чтят отца
И матери не служит без конца, —

И для себя пребудет век пустым,
И не проявит верности другим.

О, дети! Детства золотые дни —
Основа жизни будущей оши.

Кто с радостью за свой берется труд,
Чьи знанья каждый день и час растут, —

Тот получает счастье от труда,
Спокойна совесть у того всегда.

А тот, кто знает только лень и сон,
Кто играми одними увлечен,

Кто подружился с темнотою,—тот
Всю жизнь свою страдальцем проживет.

Мои родные! В жизни два пути,
Но лишь одним вам надобно идти.

Одной минуты не теряйте зря,
Живите, жаждой знания горя.

Работайте, не покладая рук:
Достоинство исходит от наук.

Должны вы счастье новых лет добыть.
Должны вы честь и славы свет добыть.

Народная надежда в вас живет,
Об этом вечно говорит народ.

К речам его склоните жадный слух,
Не будь никто к его призывам глух.

Спасите жизнь народа своего,
Залогом счастья будьте для него!

РВЕНЬЕ И ЛЕНЬ

Рвенье—жизнью наполняет грудь,
Лень к могиле направляет путь.

Рвенье встретит радость через край,
Лень к беде приводит, то и знай.

Рвенье украшает сметку, ум,
Лень—причина хвори, мрачных дум.

Рвенье укрепляет гордость в нас,
Лень стыдом сжимает всякий раз.

Рвенье—целый мир перед тобой!
Лень—пустырь забытый, неживой!

Рвенье—человека торжество,
Лень—удел ничтожнейший его!

МАЛЬЧИК И ЛЕД

В школу мальчуган идет.
Вот он храбро стал на лед.

Но, шаги сулят беду:
Он лежит ничком на льду!

Встал, и что же сделал он?
Так вскричал он, раздражен:

—Ах ты, лед! Какой ты злой!
Человека—с ног долой!

Вот постой! Придет весна —
И тебе задаст она!

Станешь ты водою, лед:
Речка в речку утечет!

Д Н И В Е С Н Ы

Мчитесь, мчитесь, дни весны—
Хороши, теплы, ясны!

Снег, растай в горах скорей,
Растопись в садах скорей!

Зашуми, ручей, рекой!
Вызрей, колос, вот такой!

Сад, цвети—высок, ветвист,
Стань с косынку, каждый лист!

ПАХАРЬ

Весь мир в чудесных солнечных лучах,
У пахаря сегодня гордый шаг.

Дав плугу силу, лошади, быки
Идут, скользят, и вновь идут, крепки.

Взрыхляет землю пахарь, весь в поту,
Потом бросает зерна в черноту.

И чем работа жарче и трудней,
Тем больше у него охоты к ней.

Он знает: лишь в труде спокойна грудь,
В старанья, в мужестве — к веселью путь.

Пусть ныне трудно, но зато зимой
И сам он, и семья найдут покой.

Он с поля добрый урожай сберет,
Прокормит и семью, и свой народ.

В ШКОЛУ

Сад ты мой, моя весна,
Хватит, хватит спать, сынок!
В школу, умник мой, пора:
Оставляй кровать, сынок!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Утро встало уж давно,
В доме больше не темно,
Солнышко глядит в окно—
Светит мальчику оно!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Бойся, милый, долго спать,
Долгий сон—дурная кладь,
Много спать велит нам лень,
Труд велит—быстрей вставать!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Слушай, слушай мой наказ:
Без науки—как без глаз!
Не ленись, учись, родной:
Темнота беда для нас!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

В школе слава есть и честь,
В мудрой школе радость есть.
Шлет скрипучее перо
Нам о чудной сказке весть.
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Эй, сынок, довольно спать,
Школа—наша благодать.
Книга—первый друг тебе,
А второй твой друг—тетрады!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Ты учителя цени,
Все слова его храни.
Пусть продлятся на года
Твоего ученья дни!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Научись, экзамен сдай,
Удиви родимый край.
Чти науку, мой сынок,
Ради знаний жизнь отдай!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Нет, нет отшельнику нельзя! Нет, мой портрет не для него:
Себялюбивые глаза до тьмы низводят правды свет!
Пускай из скромный мой портрет взирает светлый человек,
Который, истину любя, во всем находит правды свет!

6 июля 1907 г.

II

— Кто просвещенный? — я спросил. И услыхал в ответ:
— Тот, кто религию отверг и свяности лишен.
Я про отшельника спросил и услыхал в ответ:
— Всего лишенный, лишь карман всегда имеет он!

12 июля 1910 г.

III

Я — зеркало моей эпохи: я поэт.
И не один во мне, я знаю, отражен.
Так «Некто» поглядел недавно на меня —
И в зеркале себя увидел сразу он!

17 сентября 1910 г.

IV

МОЕ НЕСЧАСТЬЕ

Мое несчастье только в том, что ни одна болезнь
Не держится во мне хотя б с рассвета до темна:
Пошло такое их число походом на меня,
Что и минуты устоять не может и одна.

13 октября 1910 г.

V

Детским почерком письмо ты подложно написал.
Сколько всяческих угроз разбросал ты по письму!
Но бабайками пугать можно разве что ребят,
А тебя узнал Сабир,—мифы не страшны ему!

3 ноября 1910 г.

VI

ПРИЗНАНИЕ АБДУЛГАМИДА

Не думай, что строгать, рубить и резать я люблю
С тех пор, как плотничье постичь решил я ремесло:
Ах, боже мой, еще в те дни, как я султаном был,
Я резал, бил, ломал, рубил—да так, что трон тряслось!

9 ноября 1910 г.

VII

ФЕЯ СВОБОДЫ

О, фея свободы! С тех пор как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу тобою лишь биться всегда.
За это не раз порицаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда!

15 декабря 1910 г.

VIII

Земля на краткий срок жилищем нам была.
Пусть ни один вопрос не разрешен земной,
Но с каждым годом был все шире стан врагов,—
Затем, что жили мы лишь правдою одной!

16 января 1911 г.

НОВРУЗ

Ты—закадычный друг купцов, Новруз!
Ты—богачам веселый зов, Новруз!
О, праздник нации моей, зачем
Ты стал страданьем бедняков, Новруз?

9 марта 1911 г.

X

Стих—драгоценное зерно, оно—жемчужина певца.
Его, бездумно применив, я унизить не стану, нет!
Сатири из приятных слов со смыслом истинным сложу:
Любитель, насладясь, узнав, как вкусен этот мой шербет!

XI

Болезней тяжких со ми расширил сердце мне,—
Я верил, что помочь должна мне в горе печень.
Но злобная судьба с надеждой не в ладу:
Коварная моя разбухла вскоре печень!

XII

Дорогу дайте мне, я отправляюсь в путь:
Предстать пред судней всевышним я готов.
Иду не без даров, нет, руки не пусты:
Иду, неся в руках дары моих грехов!

XIII

Супруг сказал жене:—Я плачу потому,
Что в зеркале урод мне виден раз в году.
Жена ему в ответ:—Представь, как плачу я,
Когда ты у меня всечасно на виду!

XIV

Я жажду смерти, а она
Все убегает от меня!
Ах, даже смерти злой каприз
Переносить обязан я!

ГАЗЕЛЛЫ

1

Поклоннику твоих кудрей тугие сети ни к чему,
Твоим коралловым губам прикрасы эти ни к чему.

Тому, кто видел бровь твою, кибла желанья моего,
Уже не нужен и мехран, и все мечети ни к чему.

Скорее косы распусти, зачем безумцам вместе быть,
Свободу этаких людей держать в запрете ни к чему!

Ты так спокойно почивать в изгибах кос ее не смей,
Затем, что всем влюбленным спать при лунном свете ни
к чему.

Я пьян от радости, что мне ее кораллами дана:
О, кравчий, склады лучших вин,—мне все на свете ни к чему!

С тобой в разлуке я хотел, чтоб сердце кровью истекло,—
Но плакать, милая, тебе, как плачут дети, ни к чему!

Красавица, Сабир испил от губ коралловых твоих:
В горячке сердца помышлять мне о шербете ни к чему!

2

Хочу, чтобы в теле у меня страданья были без конца!
И умереть от мук любви, да, умереть я буду рад!

Моя пери, не позволяй врагу бывать в твоем дому,
Чтоб злобный дух не превратил обитель Сулеймана в ад!

На щеки жаркие твои, как змеи, локоны легли:
Не волшебство ли, что в огне живые змеи не горят?

Мне говорят, что задалась ты целью умертвить меня,—
О, боже, сделай, чтобы все случилось так, как говорят!

Любовь, любовь—моя болезнь! Ты слышишь, врач, оставь меня!

Придумай, чтобы от нее все средства были невпопад!

В мечтах о встрече, мой Сабир, переноси разлуки боль:
Терпеньем пленники любви каких невзгод не победят?

3

Ах, тысячи из-за кудрей в плену замлели у тебя!
Да неужели столько душ в прекрасном теле у тебя?

В Лейли один влюблен был Гейс, в тебя же—тысячи Лейли,
И все ж кого-то ищешь ты, кровь не в огне ли у тебя?

Ты слово молвила одно—и вырвал сердце я свое!
Возлюбленная, что ж еще? Слова ль сгорели у тебя?

Когда придет курбан-байрам, ты жертвенной овцы не режь:
Страдалец неотступный твой не на костре ли у тебя?

Ты видишь, бедный соловей, как молча гибнет мотылек —
И стоны огласили сад, исчезли трели у тебя.

Любую хворь умеешь ты, о, врач, так чудно исцелять, —
Лишь от любовной никаких не видно зелей у тебя!

Всечасных горестей поток грозится смыть тебя, Сабир,
Но ты не жди: глаза для слез ведь уцелели у тебя!

4

Ты у царицы красоты, о, милая, венец златой,
Благословенья твоего ждут чаровницы чередой.

Как свод небесный—бровь твоя, как полночь—локоны твои,
И на седьмое небо ты взошла своею красотой.

Вот кудри черные твои прикрыли милое лицо:
Арабы вышли из пустынь, не пропускают в храм святой!

Лишь тот паломник стал гаджи, кто черный камень целовал:
Дай родинку поцеловать твою, о, месяц молодой!

Стрелой косого взгляда ты пронзаешь метко грудь мою,—
Кто наделил тебя, скажи, такой охотничьей чертой?

Так у порога твоего и день и ночь поет Сабир:
Пути иного не нашел! О, не гони его, постой!

5

О, сердце, как бы тайн твоих чужой глазок не распознал!
В кудрях пери ты спрячься так, чтоб гребешок не
распознал!

Ты хочешь родинки зерно, пичужка глупая, добыть,—
Ах, поскорее улети, чтоб стебелек не распознал!

Пусть ножки, милая, твои—за них я жизнь готов отдать! —
Потише ходят, чтоб сосед—спаси пророк!—не распознал.

Чтоб ревность не сожгла меня, не открывай своей красы,
Не покажи лица свече, чтоб мотылек не распознал!

Я счастлив, сердце, лишь на миг с возлюбленной наедине:
Утиши биченье, чтобы враг не подстерег, не распознал!

Холодный ветер, не коснись ее кудрей, чтоб никогда
Я сердцем страждущим своим, как ты жесток,—не
распознал!

Каабу капищем сочтя, ванз любовь мою хулит,
Но как проведал он о ней, Сабир в свой срок не распознал!

6

Росинками из глаз моих жилье твое омою я,
Ресницами сотру я пыль с порога твоего жилья.

Когда в бокале увидал я отражение твое,
Стал виноградных лоз рабом я до скончанья бытия.

Я думал, что легко любить, но опозорился теперь:
Чего бояться мне, когда позор мой видят все края?

С тех пор, как шею я обвили петлей из кос твоих тугих,
Я—чародей; плениться мной могла б Зоххакова змея.

Когда б надеялся еще я на свидание с тобой,
Я все б стихии утопил в потоках слез, краса моя!

Не трогай гребнем ты волос: больного сердца не тревожь,—
Ведь зубья гребня твоего для сердца, словно острия!

Сабир, избранница твоя оставила на прахе след.
Хоть ты не ангел, поклонись ты праху, счастья не тая.

О, виночерпий, не пускай ты к нам святошу в погребок,
Чтоб он в мечеть не превратил наш погребок в короткий
срок!

Красавица, своих волос не связывай ты в узелки:
Пойми, что зерна четок нам напомнит каждый узелок!

Ни колдовством, ни волшебством в любви безумцу не
помочь, —
Лишь слово «милый» повторяй, забудь слова «ты мне далек!»

Когда не вижу я тебя, твоих расстроенных кудрей,
Поведай горе гребешку и мне пришли твой гребешок!

Какую сладость я познал, к бокалу горькому склонясь!
Должно быть, краешек его и ты пригубила разок!

Когда возлюбленных сердца сгорают в пламени любви,
То в целом мире им сродни — свеча и бедный мотылек!

Увидел родинки зерно на дорогом лице Сабир —
И тотчас за Адамом вслед соблазн зерна его увлек!

8

Когда любимая уйдет, с тоской во взоре мне стоять.
Проходят годы, но с мечтой всю жизнь в позоре мне стоять.

Бушующей со всех сторон я ненавистью окружен:
Утесом древним под грозой в открытом море мне стоять.

Укоры волнами идут, но член упорства моего
Стонет на прежнем: так всегда при злом укоре мне стоять!

Каких ударов ни обрушишь на грудь Бистуна молоток, —
Бистун не дрогнет! Так в любом смертельном споре мне
стоять!

Родная, если жизнь равна цене веленья твоего,
То жизнь я с радостью отдаю: на уговоре мне стоять.

Беда ли, если некий час меня предаст небытию, —
Живой мечтой в глазах людей, врагам на горе, мне стоять.

Как в слове «этэна» с боков элифы стражами стоят,
Сабиром, окруженным злом, в земном просторе мне стоять.

ОБ'ЯСНЕНИЯ*

- Стр. 12. Горемычный. Джип—злой дух, бес.
- Стр. 14. Я не пойму. Рустам—герой поэмы Фердовси „Шах-намэ“.
- Стр. 18. Бакинским рабочим. Чокя—верхняя одежда с широкими откладывающимися рукавами.
- Стр. 23. Изучение наук. Лаглагы, Мозалан, Сыртых, Гыздырмалы—литературные имена сотрудников журнала „Молла-Насреддин“. Хопхоп (Удод)—одно из вымышленных имен самого Сабира.
- Стр. 25. Я вздохнул.. Кальян—восточный курительный прибор. Бозбаш, кюфта, фисиджаи—названия восточных блюд. Шербет—сладкий напиток. Ятаган—кижал.
- Стр. 26. Бакинским пехлеванам. Пехлеван—богатырь. Здесь —ирония, так как позразумеваются наемные убийцы—кохи.
- Стр. 28. Советы старой колдуны. Шейтан—чорт, дьявол. Гарем—женская половина дома у мусульман. Каймак—сливки, снятые с топленого молока.
- Стр. 33. Исповедь Гаджи-Мирзы-Гасана.. Гаджи-Мирза-Гасан—один из руководителей тавризского духовенства. Мирза-Джавад—гавризский революционер, Мирза-Гусейни—член тавризского энджумена (народного самоуправления), Шарифат—у мусульман—свод религиозных и бытовых правил. Садрин—сорт риса.
- Стр. 35. Горе аптекаря. Аман—выражение ужаса, мольбы, призыва.
- Стр. 38. Призвание женщины. Гяур—иноверец.
- Стр. 40. О, страсть. Ислам—магометанская религия, мусульманство.
- Стр. 43. Горе скряги. Коран—священная книга мусульман, содержащая учение Магомета.

* Здесь частично использованы об'яснения А. Шарифа к книге Сабира „Избраниое“ (Азербайджан, 1945 г.).

Стр. 47. Курица. В этом стихотворении Сабир намекает на события, произошедшие зимой 1906—07 года, когда в зандзурском уезде и в Карабахе разразился голод, вызвавший крестьянские волнения, для подавления которых царское правительство послало войска.

Стр. 50. Не вышло ль так... А та бек—титул главы шахского правительства Мирзы-Алескера, убитого иранским революционером Гасан-агой. Дума—российская государственная дума.

Стр. 61. Умер. Дядюшка Молла—обращение к журналу „Молла-Насреддин“.

Стр. 62. Аристократическая мелодия. Чарухи—обувь из сырой ягненой кожи.

Стр. 67. Экинчи. Экинчи—пахарь. Чалтык—неочищенный от шелухи рис.

Стр. 74. Каша и мясо. Бахлул—название журнала, к которому обращается Сабир.

Стр. 75. Надежды не сбылись. Абульгасан-хан—собирательное имя шахского сановника.

Стр. 83. Вопросы и ответы. Сүнниты—мусульманская секта, признающая сунну—собрание преданий о Магомете и дополнений к корану с толкованиями его. Шиниты—мусульмане, отрицающие сунну.

Стр. 86. Нам что? Молдаи—молла-даи, то есть дядя молла. Здесь—обращение к журналу „Молла-Насреддин“.

Стр. 91. Спи в невежество. Мирза-Габар—собирательное имя мусульманского фанатика-невежды.

Стр. 94. Спасите. Ширван—старинное название родины Сабира гор. Шемахи с прилегающим к нему районом, Ганджа (ныне—Кировабад), Нухаха—города в Азербайджане.

Стр. 95. Месяц Рамазан. Рамазан—месяц поста. Фирни, терек, долма, птичи—восточные блюда.

Стр. 98. Саттар-хану. Зохак—древне-иранский шах, отличавшийся особым деспотизмом (Фердовси „Шах-намэ“), его именем назван здесь шах Мамед-Али из рода Каджаров. Каджар—шахская династия существовавшая с конца XVIII века.

Стр. 100. Фахрат-киши. Фахрат—собирательное имя отсталого мусульманина, киши—мужчина.

Стр. 102. Шах-намэ. Настоящая сатира была напечатана в № 1 журнала „Молла Насреддин“ от 4 января 1909 г. с примечанием: „Написал Эйнуддовле. Поэтически обработал Абу-Наср Шибани“. Пародируя

„Шах-иамэ“ Фердовси. Сабир высмеивает в этом стихотворении поход шахского генерала Эйнуддовле против революционного Тавриза.

Стр. 106. Отныне. К а л е м д а и—старинный чернильный прибор, олицетворяющий в данном случае вообще старину.

Стр. 108. Виной дубина. Д у б и н а—так был прозван за свою тучность иранский шах Мамед-Али. М е д ж л и с—иранский парламент. З а ч е м к о р а н и с п е п е л е н? Сабир измекает на эпизод с расстрелом, по приказу Мамед-Али, демонстрации школьников, шедших к шахскому дворцу с кораном в руках.

Стр. 110. Иран—мой. М е и д е л и—исковерканное имя (Мамед-Али), озапачающее: м е н — я, в с е л и—безумец. К е й ф о в а т ь—кутить, наслаждаться.

Стр. 112. Не пускай,—идет! Х а и д о с т у—тетенька.

Стр. 114. Ах! Ка а ба—храм в Мекке.

Стр. 120. Жалоба женщины. Х а и б а д ж и—старшая сестра.

Стр. 123. Бежим, мой сын! Э л и ф ы, б е н — в арабской азбуке—а и б.

Стр. 125. Продаю. М о л д а и—обращение к „Молла-Насреддину“. К у б о к Д ж е м ш и д а—легендарный кубок древне-иранского шаха. Г у б а д—шах древнего Ирана.

Стр. 127. Бунтуют иранцы. С у п е х д а р—сторонник шаха, перешедший на сторону его врагов. Командовал революционными войсками, наступающими на Тегеран. В о ж д ь б а х т и я р о в—Асад, глава племени бахтияров, стоявший на стороне революционеров. Е ф р е м . х а н—кавказский армянин, бывший видным деятелем иранской революции.

Стр. 132. Выкладывай сюда. З и л л и и с у л т а н—дядя Музafferеддиншаха, отца Мамед-Али. Вернувшись после принятия конституции из Европы в Иран, он был задержан в г. Реште восставшими.

Стр. 134. Ваизу. В а и з—проповедник.

Стр. 139. Не даю. М о л а и—обращение к журналу „Молла-Насреддин“.

Стр. 148. Гимн нации. К я ф и р—бездожник, пионерец.

Стр. 150. Жалоба. З с и б у р а г о—обращение к журналу.

Стр. 154. Сладкий разговор. М е ш а д и—титул, прибавляющийся к имени тех, кто посетил гробницу „святого“ Имама Ризы в гор. Мешхеде (Иран).

Стр. 156. Нищета. А д а т—обычай.

Стр. 159. Не пущу. Вот уже пять лет, как вы оскверняете коран—Сабир, повидимому, имеет в виду пять лет издания журнала „Молла-Насреддин”, который духовенство об'явило еретическим.

Стр. 163. Почему я не сочувствую школе. Ахунд—богослов, духовное лицо, молла.

Стр. 165. Мы и другие. К и б л а—линия, по которой взор молящегося обращен к Мекке. Люди к и б л ы—религиозные фаватики.

Стр. 166. Букет цветов. О с м а н е ц—турок. С е д ж а д а—подстилка, используемая при совершении шамаза, молитвы.

Стр. 167. Ай джай, юй джай. Ай джаи—выражение восторга. Ка в ка й—азербайджанское название Владикавказа, иначе Дзауджикау. М и н б а р—трибуна в мечети.

Стр. 168. Курбан-байрам—мусульманский праздник жертвоприношения. Х а л и л у л л а х—одно из имён библейского пророка Авраама, почитаемого мусульманами.

Стр. 173. Сон. П л у т (Хейвара)—так подписывался редактор страниц юмора в газетах „Гюнеш” („Солнце”) и „Ени хагигат” („Новая правда”).

Стр. 175. Просьба Азраила. А з р а и л—ангел смерти.

Стр. 176. Отчего логиб Иран. Х а н е х а р а б—несчастный. С а и п Н а р и ч а и—деды Рустача, героя „Шах-намэ”.

Стр. 179. Постыдись. Г а д ж и, к е р б а л а й—титулы мусульман, посетивших „священные места”—Мекку и Кербалу.

Стр. 180. Новруз. Последнее, незаконченное стихотворение Сабира. Но в р у з—праздник весеннего равноденствия. М а г е р р а м—траурный месяц.

Стр. 181. Разговор двенадцати. Р о з е х а и—полудуховное лицо, своими рассказами о мучениях „святых” зачастую вызывавшее у слушателей слезы. Д е р в и ш—нищий. С о ф и—религиозный фанатик, ханжа. Ф и т в а—религиозное постановление.

Стр. 186. Лживый чобан. Ч о б а и—пастух. Я й л а г—горное пастбище.

Стр. 193. Молла Насреддин и вор. М о л л а Н а с р е д д и н—имя героя народных юмористических рассказов, анекдотов.

Стр. 196. Искендер и нищий. И с к е н д е р—Александр Македонский.

Стр. 213. Признание Абдул-Гамида. Свергнутый с престола султан Абдул-Гамид для развлечения плотничал.

Газеллы

1. М с х р а б—ниша в мечети, свод которой напоминает бровь.
2. С у л е й м а н—бблейский пророк Соломон.
6. З о х х а к—древне-иранский шах, поклонявшийся змеям. „Хоть ты не ангел, поклонись ты праку...”—подобно тому, как ангелы, по бблейскому преданию, поклонились Адаму, созданному из прака.
8. Э т э н а—по-арабски „покорность”. Арабское начертание этого слова таково, что в начале и в конце его стоят элифы, а середина является корнем слова „ненависть”,

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От переводчика</i>	3
<i>Сабир</i>	5
 1905	
<i>К согражданам мусульманам и армянам</i>	9
 1906	
<i>Какое дело мне</i>	11
<i>Горемычный</i>	12
<i>Я не пойму</i>	14
<i>Жалоба старика</i>	17
<i>Бакинским рабочим</i>	18
<i>Совет</i>	20
<i>Спин</i>	22
<i>Изучение наук</i>	23
<i>Я вздохнул</i>	25
<i>Бакинским пехлеванам</i>	26
<i>Советы старой колдуньи</i>	28
<i>Детям</i>	31
<i>Исповедь Гаджи-Мирзы-Гасана Имама-Джумы, изгнанного революционерами</i>	33
<i>Горе аптекаря</i>	35
 1907	
<i>Не буду кукарекать</i>	37
<i>Призвание женщины</i>	38
<i>О, страсть!</i>	40
<i>Человек</i>	42
<i>Горе скряги</i>	43
<i>Расплата</i>	45
<i>Курица</i>	47
<i>Как скверно мне, аллах!</i>	48
<i>Не вышло ль так, как я сказал</i>	50
<i>Рабочему</i>	51
<i>Поэтическая мелодия</i>	53

Письмо другу	55
Деньги	59
Умер	61
Аристократическая мелодия	62
Сыну	64
Экичи	67
Вспомни	69
Боюсь	71
Не могу	73
Каша и мясо	74
Надежды не сбылись	75
Невозможное	77
Подражание	78
Боже, слава тебе!	81

1908

На что тебе, аллах	82
Вопросы и ответы	83
Фисинджан	84
Я не поверю	85
Нам что	86
Дитя	88
Ай хвала, хвала тебе!	90
Спи в невежестве	91
Такая сладостная жизнь	92
Истина	93
Спаситель	94
Месяц рамазан	95
Поэт	97
Саттар-хану	98
Фахрат-киши	100
Проповеднику	101

1909

Шах-намэ	102
Отиныце	106
Виной дубина	108
Иран—мой!	110
Не пускай,—идет!	112
Он—дитя	113
Ах!	114
Будущее принадлежит нам	116
Что делать мне, аллах!	118
Жалоба женщины	120
Бежим, мой сын!	123
Продаю	125
Тебе во благо	127
Бунтуют иранцы	129
Подражание нашим поэтам	131
Выкладывай сюда!	132

Ванзу	134
Будем невеждами	135
Человек с мышной—человек большой	137
Лучше пропадом пропасть	138
Не даю!	139

1910

Кто может усомниться в нас	142
Проповеднику	144
Дельги	146
Гимн нации	148
Жалоба	150
Не найдешь!	152
Сладкий разговор	154
Нищета	156
Отшельнику	158
Не пущуй!	159
Примирись	161
Почему я не сочувствую школе	163
Мы и другие	165
Букет цветов	166
Ай джан, ай джан!	167
Курбан-байрам	168
Моя душа	170

1911

Любовные похождения Мемдели в Европе	171
Сон и толкование сна	173
Просьба Азраила	175
Отчего погиб Иран	176
Постыдись!	179
Новруз	180

Без даты

Разговор двенадцати	181
Маленькая сценка	182

Стихи для детей

Муравей	185
Лживый чобан	186
Находка	188
Больной крестьянин	190
Буйволица	192
Молла Насреддин и вор	193
Паук и шелкопряд	194

Доктор и больной	195
Искендер и нищий	196
Одеяло Молла-Насреддина	197
Старый садовник	198
О торговце и его сыне	199
Спор	201
Ворона и лисица	203
К детям	204
Равенье и лень	206
Мальчик и лед	207
Дни весны.	208
Пахарь	209
В школу	210
Четверостишия	212
Газеллы	215
<i>Объяснения</i>	223

Обложка художник: М. Власова

Редактор Ю. Граник

Подписано к печ. 5/XI-49 г. Печ. листов 14,5. Уч-авт. лист. 8,3.
ФГ17234 Заказ № 1082 Тираж 10000.

Управление по делам полиграфической промышленности,
издательств и книжной торговли при Совете Министров
Азербайджанской ССР.
Типография „Красный Восток”, Баку, ул. Ази Асланова, 80.

